

Геннадий Абрамов

ПУСТЬ НЕБО РАССУДИТ

Москва
2010

Геннадий Абрамов

ПУСТЬ НЕБО РАССУДИТ

Повесть

Москва
2010

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 16

А 16 Геннадий Абрамов. Пусть небо рассудит. – М.: Экон-Информ, 2010. – 118 с.

Новая повесть московского прозаика Геннадия Абрамова – о превратностях любви; о сближении двух молодых людей; о неясном прошлом; о том, как трудно сделать выбор – даже тогда, когда судьба идет навстречу...

ISBN 978-5-9506-0480-5

© Абрамов Г., 2010 г.

Человек не одинок – за ним все же присматривают.

Станислав Ежи Лец

КРЕСТ И ПУЛЯ

Марьяна, лето 99

Утро выдалось тихое, свежее, чуточку даже влажное.

Я, конечно, не выспалась, встала мятая. Но не злая.

Москва в этот ранний час тоже позевывала, как и я. Ее еще не задергали, не укатали, не успели сделать нервной и взвинченной.

Никита выглядел гладеньким, бодрым. Он уложил мою сумку в багажник своего ненаглядного «гольфа» и распахнул переднюю дверцу.

-Ну, что, бояка, - сказал, приобняв. – В путь?

-Да. Я готова.

-В объятья неизвестности?

-Навстречу судьбе, - бесстрашно сказала я.

От центра к окраине нам сопутствовала зеленая волна.

На встречной, левой стороне Ярославки, начиная от ВВЦ, выстроилась в четыре ряда вереница машин. Народ устремился в столицу за прибылью. Впечатляющее единодушие. На езду это мало было похоже. Они дергались в строю, перемещались метра на два и останавливались. У кого-то сдавали нервы, они не выдерживали, сердились на медлительного соседа, квакали

клаксонами, высовывали из своих комфортабельных клеток потные головы и бранились в полный рот. Хвост уползал за кольцевую дорогу.

Такую радужную картину мы наблюдали вплоть до города Королева.

-Неужели каждый день на работу так добираются?

-И вечером с работы, - сказал Никита. – Очень удобно.

-Кошмар. Чего ради?

-Иллюзия независимости.

-По-моему, как раз зависимость. Причем, злейшая.

В Тарасовке дорога над Клязьмой вильнула. Появилась разделительная полоса, что означало, началась «поповская трасса», как в народе называют эту часть Ярославки. После поворота на Ивантеевку мы практически ехали одни. С ветерком, с комфортом. Никита держал скорость сто десять, сто двадцать. Мог бы и больше, но я умоляла не гнать.

-Господи. Не верится, Ник. Кажется, едем.

Мы словно плыли по воздуху в безветренную погоду.

Вокруг расстилались дали. Над головой чистое небо, солнце набирало силу, по сторонам – штиль, море трав. Пушистый простор. Дорога то опускалась, то поднималась. Поля, перелески, оранжевые жилки протоптанных троп. Мелькнет сбитый в кучку дачный поселок, церковь на возвышении, едва приметная речка или светлое озерцо - око Бога. Утро ясное, обещающее жаркий день.

Я оттаяла, подобрела. Расслабилась, наслаждаясь ездой и покоем. Никита благоразумно ко мне с расспросами не приставал. Вспомнила тетку Марию. Едем мимо. Можно сказать, я ей жизнью обязана. Отчего бы ни проведать старушку? Когда еще удастся побывать в этих краях. Если она в здравом уме, надеюсь, не забыла, как было дело. Не откажется что-нибудь рассказать. Послушать ее было бы интересно. Ну, а нет, ничего страшного. Передам привет от сестры, посмотрю, как выглядит. Может быть, нуждается в помощи. Поблагодарю, попрошу прощения.

-Помнишь, - спросила я молчаливого водителя, предпочитавшего любоваться окрестностями, вместо того чтобы развле-

кать сидящую рядом даму, - я как-то рассказывала тебе о Марии Кузьминичне, тетке своей?

-Смутно... Честно говоря, нет.

-Не знаю, жива ли... Она где-то тут, по пути.

-Собираешься навестить?

-А это возможно?

-Почему нет?

-Хорошо бы... Но я точно не знаю. Где-то недалеко от Сергиева Посада. Поселок, если не ошибаюсь, называется Рахманово. Там есть Дом Сестринского Ухода, где она лечится и живет.

-Найдем... Богадельня место приметное... Но сначала, как наметили, в Рыков Лог, хорошо?

-Понимаешь, в чем сложность... Я ее ни разу не видела.

-Неважно. Лишь бы она тебя вспомнила. Сообразила, что ты от нее хочешь. Насколько я знаю, эти красотки из дома для престарелых вполне могут спутать родную племянницу с королевой Великобритании.

-В том-то и дело, что она мне даже не тетка. Непонятно кто.

-Ах, да, - сказал он. - Забыл. Ты же у нас сирота. Правда, не казанская, а канадская.

Шутка показалась мне недоброй, неудачной и неуместной, и я замолчала. Даже пожалела, что завела об этом разговор.

Я действительно не знаю своих настоящих родителей. Маму мне заменила сестра Марии Кузьминичны, Екатерина, редкой доброты женщина, а роль отца до последнего времени крайне неудачно исполнял Кленов. На детство и юность мне жаловаться грех, тем не менее, неизвестность, связанная с родителями, всегда во мне жила, и время от времени напоминала о себе какой-то въедливой изнуряющей болью. Эта боль не отпускала меня даже тогда, когда я стала взрослой, мне казалось, самостоятельной, вышла замуж, родила дочь Лизу, не будучи еврейкой, эмигрировала в Израиль, благополучно развелась, и вместе с маленькой дочкой и ее бабушкой, матерью бывшего мужа Лёвы, перебралась на жительство в Канаду, в Торонто.

Ну, да, канадская сирота. Я наделала массу глупостей. И что с того? Все равно это не повод, чтобы в чем-то меня упрекать.

Ехидничать, подшучивать надо мной. Тем более, вот уже скоро год, как я снова в Москве. Причем, не факт, что в Канаде я задержусь. Назло всем заработаю кучу денег, куплю квартиру где-нибудь на семи холмах, и привезу сюда Лизу.

-Устаешь за рулем? – спросила я.

-В Москве – очень.

-А сейчас?

-Нет.

-Почему?

Губы его дрогнули. Он улыбнулся.

-Потому что рядом - ты.

Я фыркнула. И сказала сквозь легкий смехок:

-Болтун.

-Не болтун, а лепетун.

-А есть разница?

-Принципиальная.

Мимо проплывали лысенькие, подстриженные, кудрявые невысокие холмы. Мелькали взгорки, овражки. Навстречу распрямился день. Бежала под колеса широкая, в два ряда, пегая лента асфальта, а по обе стороны от нее медленно разворачивалось, удаляясь или приближаясь, пышное зеленое царство.

Обожаю округлости, плавные линии, перепады. Пересеченная местность меня всегда волнует и возбуждает. Просто потому, что пересеченная.

Однако за полчаса езды мало-помалу жажду я утолила. Можно сказать, красотами душа моя напиталась. Мне уже хотелось о чем-нибудь с притихшим водителем поговорить.

До сих пор он вел себя правильно – был обходителен, ненавязчив, предельно учтив. Весь был настроен на то, чтобы мне было хорошо, и я не ощущала никаких неудобств.

Я знала, что волнующих тем он и сам постарается избежать. Во всяком случае, до поры до времени инициативу проявлять не станет. Тем не менее, с удовольствием поддержит любой разговор, если я этого захочу. Мне же хотелось чего-нибудь простенького, постороннего, без зауми. Чего-нибудь нейтрального, не затрагивающего наших с ним отношений.

По правде говоря, после того, как Никита отругал меня за безудержные фантазии, я как-то потеряла к прошлому интерес. Собираясь в поездку, никаких дополнительных планов не строила. Уверяла себя, что намерена просто проветриться, взглянуть, наконец, что стало с нашей маленькой родиной, полюбоваться видами Подмосковья, милыми моему сердцу пейзажами, которые со дня эмиграции все собиралась в памяти освежить.

По части пристрастия к прошлому мы с Никитой, мне кажется, поменялись ролями. Я прошла вязкой тупиковой дорогой, он на нее только вступил. Я утомилась, надорвалась, понапрасну себя издергала, он же со свежими силами рвался угодить в ту же яму. Без сомнения, я его заразила. Он подхватил ту же болезнь, которой страдала я, правда, у него она протекала в более мягкой форме. Все-таки речь шла не только о моих родителях, но и о его собственной матери, и ему хотелось ясности. Он не мог не почувствовать, что Оксана Петровна что-то скрывает, недоговаривает, а объяснениям Елисеича в равной степени можно верить и не верить. Меня уговаривает забыть, а сам, нахал, помнит. Вероятнее всего, как мне когда-то, ему не давало покоя, что же там, в нашем укатанном гусеницами монастыре, на самом деле произошло, какова вина стариков, чего же они заслуживают – порицания, осуждения, помилования или оправдания подчистую.

По-моему, он еще не знал, что даль обольщает. Манит, сулит, но за всеми ее обещаниями – дыра, пустота, новый обман. Цель с той же скоростью от тебя убегает, с какой ты ее догоняешь. Там давно ничего нет. Если что-то и было, быльем поросло. Опытный Елисеич улики надежно забетонировал, присыпал землицей и высадил поверх раскидистые деревья. В лучшем случае, сейчас там скорбная рощица. Шумит ветвями тридцатилетний лес.

Подходящей темы, к сожалению, я не нашла, и спросила о том, что в голову пришло.

-Скажи, а как ты оценивал себя, когда писал стихи?

-Никак. *Ты царь, живи один.*

-По-царски?

-Увы, Мария. *Мой дар убог.*

-Серенький, что ли? Верхогляд?

-Ага, - хмыкнул он. - Я человек приблизительный. Фигляр. Шалопай. Напыщенный самородок, едва наученный грамоте.

-Мне казалось, что самородок – не так уж плохо.

-Но и не сказать, чтобы очень хорошо, - он с мягкой улыбкой взглянул на меня, давая понять, что одобряет, рад, что я решила поболтать. – Самородки, Марусечка, существа необузданные. Они все из себя - слепая стихия. Не знаешь, чего от ребят ждать. Порой ахнешь, руками разведешь. Это когда звезды сойдутся. Или когда слышат гул глубин. А вот когда пыжатыся, из кожи вон лезут, чтобы удивить, кому-то что-то доказать, ваяют такую дрянь, что диву даешься.

-А нельзя пореже удивлять, зато почаще слышать гул?

-Нет породы. Питательной среды, культуры. Если помнишь, родовитых сограждан вырезали на корню и выкинули на помойку. Правит бал воинствующее невежество. Александр Иванович Герцен когда-то сказал: если *марксидам* удастся выгнать Бога из наших людей и вместо него вставить всеобщую справедливость, то в России придет к власти *сплоченная посредственность*, и будет править страной очень долго. Так и случилось. Как в воду глядел. Культурный слой срезан, и неизвестно, когда нарастет.

-Литература не должна умереть.

-Она и не умирает. Спокойно ждет достойных. Ей в высшей степени наплевать, что худосочные создания тем временем исчезают.

-Некоторые выживают.

-И корявое деревце вверх растет.

-Вот видишь. Не все так безнадежно.

-Не все.

-Ты еще себя покажешь.

-В смысле?

-Утрешь всем нос.

-Без тебя – гиблое дело. И пытаться не стоит.

-Причем здесь я? - я кокетливо возмутилась. - Мы же говорили о литературе. О творчестве.

-И чудотворстве, - он бросил на меня хитрый быстрый взгляд. – Не забывай, Маруся. Даже у Папы римского есть свой духовник.

-Не преувеличивай, пожалуйста, - проворчала я. – Из меня духовник, как... - хотела сказать «как из говна пуля», но подумала, испугается, с грубой стороны он меня не знает, пусть еще немного побудет в неведении. - Я, Никита, девушка темная.

-А я слепец. Отличная пара. Ты дашь мне руку, я подставлю плечо. И пойдем мы с тобой дорогой праведной – из тьмы к свету.

Я фыркнула.

-Праведной - без меня.

Он замолчал. Возможно, даже слегка обиделся из-за того, что я не согласилась немедленно и без раздумий шагать с ним в светлое будущее.

От Софрино до Голыгина мы проехали, не проронив ни слова.

Время от времени я отводила взгляд от дороги и искоса на него поглядывала.

Выразительный профиль, красиво поставленная голова. Чувственные губы, мальчишеские плечи, тонкие длинные пальцы.

Когда он чем-нибудь опечален, так и тянет к нему прильнуть. Когда же задумчив, весь в себе, когда внутри у него что-то загадочное происходит, робею. Боюсь спугнуть, помешать. Кажется, что он занят чем-то серьезным. Перебирает какие-то одному ему ведомые варианты. Словно тасует колоду из всяких разных мыслей и непроизнесенных слов.

Господи, подумала я. А ведь могли и не встретиться.

Год? Да, почти год. Всего год.

Сколько же в моей жизни случайного. (Никита наверняка бы поправил: не случайного, Маруся, а предопределенного).

Кленов, змей, огорошил.

Мой день, говорит, как всегда. Ипподром. Бега. Приличный выигрыш. Я повел друзей-подельников в ресторан, пообедать, посидеть, обмыть выигрыш. Ну, выпили, закусили, то, сё. И вдруг слышу, как Коля наш, кореш, между прочим, бывший военный, офицер, небрежно так произносит: **Рыков Лог**.

Как ты понимаешь, я тут же вспотел. Привстал и поинтересовался: как, как? Рыков Лог? Ты, Коль, ничего не напутал? Да, нет, говорит. Я там полтора года служил. Я спрашиваю: когда? Да уж лет пятнадцать тому назад, отвечает. Перестройка началась, я и дернул оттуда. А я не отстаю. Значит, тот самый? С куполами? А он говорит, ты чего, Потапыч? Какие купола. От стен ничего не осталось. Отметки одни. Бараки. Казармы. Поселок там. Военный городок. Я спрашиваю: а монастырь? У, говорит, чего вспомнил. Монастырь. А то ты не знаешь. Помнишь картавенького? Или уже забыл? Как этот Антихрист пришел, так и начал святое губить. В двадцать первом году монастырь твой скончался. Советская власть, если помнишь, главным своим врагом считала тех, кто насаждает веру не в Маркса, а в Бога. Поэтому священников предусмотрительно расстреляли. Главному собору отрубили голову. Две угловые башни взорвали. Проломили стены для прохода танков, тачанок и кавалерии. В кельи завезли мебель, батареи, трубы. Часовню переоборудовали под котельную. Гордость и славу монахов, сад-огород, запахали. Пристроили ангары для гаубиц. Ну, и так далее. Крест и Пуля, две стороны одной медали. Красная армия. Несокрушимая и легендарная. Без боя взяли твой монастырь. Бараки, жильё приспособили, домики для семейных. Стали жить поживать и добра наживать. Ну, что еще тебе рассказать? Плац, казармы, боевая техника, отборный армейский мат. И рядом, бок о бок и спина к спине, дырявые своды, зияющие провалы в ограде, облупившиеся луковицы как печные трубы, треснувшие купола с проросшими сквозь них деревьями. Вот так, Потапыч. На стреме автоматчик с полным магазином патронов. За веру в Бога – пуля в затылок, неверующим – пуля в лоб.

Выпили молча по рюмочке, погрустили. Я и говорю.

Главное, говорю, братцы, не в этом... Там, в этом поселке, девочка моя родилась, Марьяной зовут, по фамилии Габарина.

Темная история... Мрак... Ни черта не знаю... Ей два года было, когда мать ее умерла. Вроде сирота. Тетка ее увезла, отдала сестре, и та ее вырастила...

Николай спрашивает, и когда? Когда это было? Когда ее увезли, девочку-то?

Я говорю, давно, тридцать... больше... тридцать четыре года тому назад.

Ну, а сейчас, Коля интересуется, ты чего хочешь, Потапыч?

Да того же самого, говорю, вдруг кто-нибудь что-то слышал, расскажет.

Про девочку?

И вообще, говорю. С кем мать ее любовь там водила. Кто ее настоящий отец. Почему мать рано так умерла. Ну, хоть что-нибудь. А то живем во тьме. Столько лет прошло. Я уже вроде дед, Марьяна сама мать, дочери ее восемь лет. Может, знает кто.

И тут Коля вдруг говорит: ладно, попробую. Есть Потаюха у нас, Потапыч, у бывших военных. Архивчик свой. На всякий случай прихватили, когда разбегались. Может, что и найдем. У нас там чего только нет, прямо филиал Лубянки. Нароем... Только не бесплатно, учти. Такой документик долларов на двести потянет.

Кленов достал бумажник, и тут же выложил двести баксов.

-Прикрой немного, - попросил Никита, кивнув на окошко с моей стороны.

-Холодно тебе?

-Грузовик.

-И что?

-Пыхтит. Чадит черной гарью.

-Чадит черной гарью... Строчка из стихотворения?

-Пока нет.

-Пока?

-Вот объеду этот источник поэзии, тогда и поговорим о высоком.

-Не торопись, - сказала я.

...Читай, ликуй, торжествовал Кленов.

Ты, моя дорогая, совсем не та, за кого себя выдавала.

Напечатано на бланке. Сверху: детективное агентство «Сыск».

Сначала я подумала, обман, подделка, Кленова просто разыграли, или нагрели его боевые товарищи.

Прочитала раз, другой, третий. Нет, что-то есть. Процентом на десять фактов, остальное сплетни, слухи, домыслы. Художественное воображение военных в отставке.

Полжизни я уже пробежала. И вдруг выясняется, что я вовсе не безотцовщина, что по отцу я, скорее всего, не Габарина, а Ручаева, и у меня где-то бродит неприкаянным вот уже тридцать с лишним лет сводный брат мой Никита, и гуляют, ничего не зная обо мне, сводные сестры, Тая и Женя.

По этой справочке выходило: давным-давно, еще крохами, мы жили с семейством Ручаевых по соседству, чуть ли не в одном бараке, в этом самом перестроенном поселке Рыков Лог, где теперь располагалась воинская часть. Красавчик Ручаев, майор, по мнению авторов документа, жуткий бабник, в этой самой части не столько служил, сколько девушек портил. У него уже была семья, жена, трое детей, когда он положил свой вечно голодный взгляд на бедную мою матушку, которая в одном из ангаров трудилась скромным бухгалтером. Приспала она меня с этим майором по неловкости или по долгу службы, или он подло ее обманул и бросил, к сожалению, об этом в справочке ни слова. И отчего она умерла, когда мне было два годика – точно никому не известно. Бабы судачили, предполагают авторы сочинения, вроде бы матушку мою отравили; Оксана Петровна, мать Никиты, вместе с помощником, Елисеичем, позаботились о том, чтобы репутация у майора была безупречной. Сам Ручаев уже ничего рассказать не может. Его лет двадцать как нет на свете. Он нелепо погиб. В поезде повздорил с картежниками, какими-то ворами, уркаганами, они его порезали в тамбуре и выбросили из вагона на полном ходу.

Кстати, моя Кузьминична, вырастившая меня, заменившая мне мать, которая сейчас временно в Израиле, намекала, что сестра ее, Маша, которая Чепурда, жила в то время в поселке Рыков Лог. Она и увезла меня оттуда, когда матушку похоронили. Я слышала, она доживает свой век в поселке Рахманово в Доме Сестринского Ухода; возможно, что-нибудь знает; вот почему я попросила Никиту туда заехать.

Сомнение бывает робкое, мягкое, нежное, кроткое, в котором светится новое понимание.

А бывает твердокаменное, жесткое, исступленное, от которого человек тупеет и становится нервным, почти больным.

Это был голос оттуда, знак несчастья, давнего неблагополучия.

Когда я все это узнала, во мне вдруг вспыхнул давний сиротский комплекс.

Захотелось, по крайней мере, взглянуть, как они выглядят, мои возможные родственники.

И, конечно, я совершенно не предполагала, что мое невинное, как я считала тогда, любопытство заведет меня так далеко.

Дружки Кленова помогли мне разыскать в Москве адреса Ручаевых, и я вскоре узнала, что Никита живет с матерью, Оксаной Петровной, каким-то приживальщиком по имени Елисей и собакой Ронни.

В отличие от Никиты, которого мамочка опутала цепями и приковала к своей юбке навечно, Тая и Женя жили отдельно. Обе успели побывать замужем, и, как и я, мужей потерять.

Они очень разные. Не похожи не только на меня, но и друг на друга. Как будто над Таисией, старшей, папочка с мамочкой трудились солидно, с угрюмой серьезностью, по-военному исполняя супружеский долг. А младшую, Женю, набедокурили – сотворили греховно, случайно, при свете звезд под ущербной луной в стоге сена.

У меня глаза изтемна черные, у них бледно-карие. Они долговязые, а я пышечка. Волосы у них жидкие, крашенные, перекрашенные. От моих так и веет здоровьем и чистотой. Нос у меня толстоват и, пожалуй, великоват, у них формы завидной, как у кинозвезд, лоб мой чуточку выше и уже, цвет кожи смуглее. Бедра у них мальчишеские, не сексуальные, мои же – как у бесстыдниц «Плейбоя».

К тому времени, как я появилась на горизонте, Таисия Романовна успела вырастить прелестную дочь (Варвара у нее прехорошенькая, заканчивает школу). Первая – рано, не успев созреть – вышла замуж, первая развелась. Сбежав от матери, сколотила собственную фирму. Строгий начальник. Занимается

поставкой-продажей кефирчиков, йогуртов, всевозможных молочных продуктов на оптовых рынках в разных концах Москвы. Властная, жесткая. Коза надутая. Вероятно, в мать. Вся в работе. Естественный трудоголик. Суха, с минимумом эмоций. Абсолютно одинока, самодостаточна, закрыта. Но не злая. Местами – тонкая, очень даже не глупая.

Я пообщалась с ней (разумеется, не выдавая себя, скрывая, кто я такая). Предложила свои услуги, – позвонила раз, другой, третий – и в какой-то момент они их приняла. Я сняла для нее однокомнатную квартиру в районе Отрадное, в которой она отлеживалась, подсчитывала убытки, восстанавливала силы. На самом же деле, по-моему, пряталась от выжившей из ума свекрови (старушку ей сбросил ее бывший муж-депутат, а она, в свою очередь, сбросила ее на Варвару).

Встречались и разговаривали мы исключительно по делу. Холодно, вяло, с многозначительными паузами после каждой фразы, как две чопорные фифочки, лениво прощупывающие друг друга. Робкие попытки с моей стороны просто посплетничать, поговорить о чем-нибудь личном, по-бабьи, пресекались немедленно и с нескрываемым удивлением. Мне показалось, она даже по забывчивости неспособна расслабиться. То есть, быть откровенной с кем-нибудь, кроме самой себя. Пуфик в юбке. Честно говоря, я испытывала к ней не более чем антропологический интерес. Мысли не возникало открыться ей. Ни малейшего желания короче сойтись. Поделиться с этой воблой сушеной своей неудобной, сомнительной, невзрачной тайной.

Женя, младшая, и сложнее, и проще. Мягче, доступнее, откровеннее. Вообще гораздо приятнее.

Я кое-что о ней разузнала. Издали рассмотрела ее – даже раньше, чем Таю, примерно, в то же время, что и Никиту.

Она милая, странная, очаровательно неуклюжая. Душа у нее очень хорошая. Светлая.

Я, конечно, в подметки ей не гожусь, но кое в чем мы удивительно схожи. Я имею в виду жесты, повадки, особые приметы, неискоренимые физические недостатки, когда она или я фыркаем, гримасничаем, всплескиваем руками, нервно покачиваем ножкой или строим рожицы. Вполне возможно, тут чистая пси-

хология. Проказы и причуды господина, которого называют Самовнушением. Иначе говоря, лукавство, обман. Просто мне безумно хотелось, чтобы мы оказались похожи.

Как я с немалым трудом узнала, замужество ее было бурным – не таким кратким и неудачным, как у Таисии, но и не безумно долгим, как у меня.

Она полюбила старца. Разница в возрасте между ними огромная. Влюбленных разделяло без малого тридцать лет (и каких лет, если на минуточку вспомнить наше недавнее рабство – «шесть пятилеток качества», как выразился бы мой свекор Семен Натанович, политизированный от хвоста до макушки). Избранник ее – из породы тихонь, как и она. Энциклопедически образованный. Скромный научный работник. Человек особой выделки. Экземпляр вымирающий, редкий. Невинно страдал, прошел «суму и тюрьму», шарашку и лагерь, в последствии полностью реабилитирован. Выжил, все понял про эту страну, но не озлобился, как мой муженек, например, а сохранил вкус к жизни. *Гвозди бы делать из этих людей*, но гвоздя-то как раз и не получилось. А получился человек добрый, учтивый, все понимающий, грустный. Слабый физически, но крепкий во всем остальном. Мудрый. Сохранивший порядочность, интеллигентность. Не продавший душу дьяволу во времена бойкой торговли этим товаром, – когда его друзья и товарищи с превеликой охотой, наперегонки, только этим и занимались.

Словом, на взгляд обывателя, брак, разумеется, оскорбительный. Слишком неравный (а *равных*, между прочим, я не встречала). Представляю, какой ливень насмешек Жене пришлось выдержать.

С виду она создание кроткое. Но когда судьбе вздумалось испытать ее на излом, проявила чудеса несгибаемости, упорства, чисто женской отваги. Подстать, я думаю, суженому своему. Так бывает (насколько я вправе судить), когда непререкаемый авторитет – любящее сердце. Вне всяких сомнений, опыт старого ээка тоже здесь пригодился. Без ущерба для самой себя Женя наплевала на общественное мнение. Остреньким каблучком наступила на доброжелателей, советовавших не губить молодость, не растрачивать жизнь попусту, ибо очень скоро ей

придется выслушивать старческое нытье и ставить любимому клизмы. Стерпела грубый оговор и всяческие пересуды. Не сломалась при виде слез, стенаний, отчаянных заклинаний и проклятий матери. Она все это выдержала. Вынесла. Обвенчалась в церкви, и переехала жить к мужу. Родительский дом покинула с болью, но без оглядки. Из проектного института ушла, а потом бросила и семейный бизнес, работу, которая, казалось, прочнее, чем, что бы то ни было, связывала ее с матерью и Никитой.

К сожалению, в чем-то недоброжелатели оказались правы. Счастье ее действительно длилось недолго. То ли четыре, то ли пять лет. Пока научный работник был жив. Но вскоре у бедняги открылись старые лагерные раны.

Умирал муж ее тяжело. Постепенно. Женя от больного не отходила. Уколы, микстуры. Безобразные пролежни, кожные язвы. Она сутками просиживала у изголовья его кровати в больничной палате. Под стоны и хрипы прошла с ним рядом тяжкий смертный путь – нянечка, сиделка, жена, возлюбленная, медсестра. Господи, сколько же она перечувствовала, перестрадала, пережила!

-Ты сейчас где была? - спросил Никита.

-Так. Где-то витала.

-Без меня?

-Успокойся, - сказала я. – Твоя пассажирка поблизости. Если хочешь знать, ни Марья, ни Яна еще не успели тебе изменить.

-Похвально, - сказал он. – А Марье с Яной что-нибудь известно о Лао Дзы?

-Нет. А кто это?

Он откинулся, размял плечи. Явно пытался расшевелить меня, отвлечь от воспоминаний. Однако плохо представлял себе, как это можно сделать.

-У него есть три замечательных правила.

-Ты им следуешь?

-Пытаюсь.

Я посидела молча, как мышка. Ждала продолжения. Не дождавшись, спросила:

-И какие же это правила?

Он кашлянул в кулачок. И уважительно, с почтением, выделяя каждое слово, познакомил меня с наставлениями, которыми хотел бы воспользоваться в своей богатой внутренней жизни:

-Созидай, но не обладай. Трудись, не ища выгоды. Добивайся цели и не гордись.

Я собрала свои две извилины, пытаюсь запомнить, понять и приложить это все к себе. Ничего, конечно, у меня из этой затеи не вышло, и я горько вздохнула, сожалея, что я такая недо-развитая.

-Безумно сложно, - сказала. – Как это – «не обладай»? По-моему, нормальному человеку это вообще не под силу.

-А говоришь – темная, - коротко рассмеялся он.

С заднего сиденья я достала пластмассовую бутылку, два бумажных стаканчика. Угостила верного ученика Лао Дзы ко-ка-колой. Сама попила. Закурила.

Глядя на вытянувшиеся в струнку деревья, дрожащие в знойном воздухе, подумала, всем хорош парень, но как же все-таки обожает пудрить мозги. Ставить в неловкое положение. Вещать, поучать. Цены бы ему не было, если бы удалось чуть-чуть подстричь, причесать – хотя бы избавить от этой вредной привычки.

Я сидела, смотрела вдаль, и бездумно перебирала в памяти странную нашу встречу, игру случая, предопределенность, удивительные совпадения, притяжения и отталкивания, суть которых не в силах была не только постичь, но даже как-нибудь удовлетворительно для себя объяснить.

В отличие от девочек, с Никитой, мне показалось, у нас есть что-то общее. Он такой же закрытый, изломанный, с неизжитой провинциальностью, как и я.

До сих пор холост, ни разу не был женат, что, естественно, подогревало мой интерес.

На фирме у железобетонной мамочки он трудился техническим директором, и я легко устроила, чтобы на какой-то тусовке в клубе «Петрович» меня ему представили, как самую соблазнительную, самую перспективную риэлтершу города Москвы.

Мы танцевали, пили, шутили и разговаривали. А потом он мне позвонил. Мы стали встречаться. Я – как со сводным братом, который пока еще об этом не знает, он – как с лукавой раскованной хищницей, ищущей очередную жертву.

Тайна, которой я владела, придавала некоторую пикантность (как я тогда думала), остроту и терпкость нашим отношениям.

Но в какой-то момент я вдруг почувствовала, что заигралась. На месте слезливой и трогательной истории о бедной сиротке, помимо воли, выросло что-то совсем другое, ненужное и меня пугающее - и неподалеку от устья Яузкого бульвара, справа, на остроносом холме во дворе храма Петра и Павла, куда мы забрели, гуляя по Москве, я ему во всем призналась.

Я надеялась, по меньшей мере, на взаимопонимание и братскую помощь. Но оказалось, со своими тайнами мадридского двора я кругом опоздала. Он уже обо всем догадался, раскопкам и изысканиям моим не поверил, и только ждал случая, чтобы с гневом и раздражением разбить мои веские доводы. Выяснилось, что я для него давно уже смутный объект желаний, а никакая не родственница.

Никита слушал меня с рассеянным интересом, без удивления, воздерживаясь от проявления каких бы то ни было чувств. Расслабленно поглаживал себя за плечи, оглядывая просторы. Сопоставлял даты и факты, переваривал новость за новостью, отмечая выразительные детали.

Оттого, что я ему сообщила, он, как я и предполагала, бурной радости не испытывал. Сознательно отмалчивался. Не останавливал меня, не перебивал и ничего не уточнял. Вероятно, в момент признания я была слишком серьезна, что его, откровенно говоря, удручало.

Наконец он сказал: «Нет, ты ненормальная, если вправду решила, что я твой брат. При столь вопиющей мужской неразборчивости».

Я робко спросила: «Почему?»

Он сухо ответил: «Мы же разные абсолютно. Майор спал, с кем попало, и со всеми подряд. Возможно, с твоей матерью тоже. И что? Что это доказывает? Ровным счетом ничего. Малому ребенку известно: **отцовство всегда сомнительно, только ма-**

теринство несомненно. Мужской детородной капле грош цена. В базарный день – сорок долларов по курсу ММВБ. Без учета инфляции. Сорок! Нашла чем дорожить. Самец – это правильно. Это нормально. С этим я бы еще примирился. А отец, как я понимаю, что-то другое. Отец – это тот, который нас воспитал, *кто любил нас и вывел в люди.* Помилосердствуй, Маруся, разве у нас такой был?»

Я сказала: «У меня нет».

Он помолчал и спросил: «А Женька знает?»

«Нет».

«А Тая?»

«Нет-нет, ты один».

«Почему?»

«Не смогла. Смелости не хватило».

«И хорошо, - сказал он с некоторым облегчением. – Пусть это останется между нами».

«Вот как? – я отклонилась и бросила на него недоуменный взгляд. – Ты не рад?»

«Рад, ну, что ты, конечно, рад. Сестра это замечательно, - он по-братски погладил меня по волосам. – Но как вариант».

«То есть?»

«Не сейчас, - уклонился он от прямого ответа. - Потом обсудим, ладно?»

Мы по-прежнему стояли в обнимку. Смотрели на небо, на приближающийся закат, на город под розовым светом.

«Нет, Никита, - сказала я, предварительно хорошо подумав. – Вариантов не будет. Это исключено».

«Не всё в нашей власти, Маруся, - мягко не согласился он. – Сердцу не прикажешь».

«Нет-нет».

Он выдержал паузу, чтобы дать мне почувствовать, как досадно ему это слышать.

«Печально, - сказал он, поправив на мне сбившийся воротничок. - А я уже размышлялся... Решил подсобраться. Если получится, может быть, человеком стать... После встречи с тобой вроде и смысла нет гробить свою жизнь».

«Прости меня, - в волнении быстро заговорила я. – Не сердись. Не надо думать об этом, - поднесла его руку к губам и поцеловала. – Я не знала, не понимала, как себя вести. Растерялась. То рвалась познакомиться, то остывала. Злилась на себя, на всех вас. Мечтала подружиться и вместе с тем почти ненавидела. Представь себя на моем месте... С Таей я тоже знакома. У нас легкие, ни к чему не обязывающие отношения. На уровне хороших знакомых... Квартиру в Отрадном я ей подыскала. А потом, после той истории, она поплакалась, что не может там жить, и я ей другую нашла. – Я помолчала. Потом обернулась и виновато взглянула на него. - Вообще-то, Никита, меня Марьяной зовут... Имя двойное, не обижайся. Злого умысла здесь не было никакого. Скорее, робость... Прости, ладно?.. Для Жени я до сих пор Яна. Так меня в детстве звали, Яночка. Кому-то нравилось больше Мария. Или Маруся, как тебе. Я привыкла. Иногда, даже удобно. Когда грешница, я – Мария, а когда намерена похулиганить – Яна. Да. Я твердо решила, что нам пора познакомиться. Иначе я себя изведу. Надо было срочно что-то придумать. Я за тобой наблюдала. Знала, что живешь ты одиноко и скучно. Главным образом, под маминной юбкой.

«И все-таки. Я чего-то не понимаю, - разворошил он мне челку на лбу. – Мне кажется, было бы лучше и проще сказать чистую правду. Так, мол, и так. Слух прошел... Вроде бы мы с тобой из одного полка... Провинциалы. Седьмая вода на киселе... Когда-то давным-давно, под рев гусениц, может быть, в разрушенной колокольне, с которой сорвали крест... безбожники, офицер и девушка опрометчиво переспали... И всё, Мань. Вопрос был бы закрыт».

«Пробовала. И подходила, и пыталась сказать... Сложно. Не так просто, мой дорогой. Это только кажется, что пустяк... Какая-то шальная баба ловит тебя на улице и утверждает, что ты ее брат... А на работе? К тебе же не подступишься. Надменный, закрытый. Последний раз по-хамски со мной разговаривал. Весь в процентах от выручки. Даже не удосужился посмотреть... Я, дура, платье соблазнительное надела. А ты скользнул взглядом и отвернулся... Я потом названивала твоей секретарше, просила соединить. Думала, надаю пощечин по те-

лефону, и дело с концом. Распрощаемся. Сколько можно бегать за ним? Унижаться?»

«Тем более, - с едкой ухмылкой пробормотал он, - бабушка надвое сказала».

«Да? – вспыхнув, заклокотала я; в голосе появились негодование и суровость. – Я все придумала? Ты мне не веришь?»

«Верю, Мань. Как не верить. Вот уже скоро день пройдет, как ты водишь меня за нос, а я тебе верю. Безоговорочно. Охотно и сразу. – Помолчал, и добавил: - А всякие рассказы, извини, если и имеют к жизни какое-то отношение, то весьма отдаленное».

«Но почему?! – с жаром накинулась я на него.

«Потому что я так устроен, - серьезно и жестко ответил он, и я почувствовала, как внутри у него поднимается и зреет отповедь; как будто, у него не осталось ни малейшего желания насмешничать или шутить. - Привык верить, прежде всего, тому, что вижу, слышу, чувствую. А вижу и чувствую я совсем не то, что ты пытаешься мне внушить».

По тому, как рука моя напряглась, он понял, что я внимательно слушаю. И, наверно, подумал, что самое время попытаться меня остудить, остановить, избавить от странных выдумок, может быть, переубедить.

«Голос твой, глаза, волосы, губы, - с напором продолжал он. - Вся твоя суть. Стать. Все другое... Тая и Женя воблы ходячие, а ты как румяный пончик. Походка у них утиная, а ты ходишь, как пава. Они под настроение имена не меняют. Не заманивают в пустые церковные дворы. Не просвещают всякий неучей на лавочке в саду. Не так разговаривают, не так смеются, не так расстраиваются, не так слушают... Они дышат иначе. Думают на другом языке... Что у вас общего? Только, может быть, отчества... Какие-то подозрительные справки. Догадки, предположения... Глупости. Зачем?.. Не знаю, Маруся. Тайна зачатия пусть останется тайной. По большому счету, это нас не касается. Точно известно только одно: *мы часть материнского тела*. И мне, например, этого достаточно. Мать дарит жизнь. Если захочет. При сильном участии Господа Бога, конечно. Хотя... из ребра Адама уже давно ничего хорошего не выходит... Вот

ты говоришь, наша родина – Рыков Лог. Отлично. Мы земляки. Не возражаю. Но что там на самом деле происходило, знают только дождь и ветер. И больше, моя дорогая, никто... Там же все перепуталось. Бог знает что. Никаких сдержек и противовесов. Моральных ограничений – ни боже мой. Сексуальная революция победила лет на двести раньше, чем ее разглядели на Западе... Не знаю, как ты, а я отлично помню. Прапорщики, солдаты и офицеры всем формам брака предпочитали свальный грех. Под расписку или под протокол никто этим сладким делом не занимался. Сам черт не разберет, кто там кому отец. Если мне завтра придут и скажут, что мой отец не доблестный майор Ручаев, а какой-нибудь пьяный сержант Пупкин, я, – даже рискуя этим сильно обидеть мать, – поверю».

Какое-то время мы оба молчали. Он – удивленный и приободренный своей находчивостью, неожиданной для себя самого убедительностью, я – обдумывая услышанное.

Потом я сказала, чувствуя, что все проиграла:

«И все-таки, негодник... Ты мой брат».

«Естественно, - устало пожал я плечами. – Со времен Адама все мы братья и сестры на этой земле».

Разлетевшись, мы не заметили знак, запрещающий сквозной проезд через Сергиев Посад, вотчину чиновников от святости. Как штурман, я Никиту вовремя не предупредила. Пришлось тормозить, сдавать назад, сворачивать на объездную дорогу. Меня так и подмывало его покритиковать, ущипнуть: нельзя делать два дела одновременно, надо либо следить за тем, куда едешь, либо учить уму-разуму невежественную пассажирку.

-А как тебе эта гадкая война? – спросила я наугад, от растерянности, просто, чтобы о чем-нибудь спросить.

-Какая война?

-Ну, в Косово, в Югославии.

Он в голос расхохотался.

-С чего вдруг, Мань?

-А мне интересно, - сердито сказала я. – И нечего ржать. Тут нет ничего смешного.

-Извини, - сказал он, почувствовав, что я могу и обидится. Не выношу, когда повода не давала, а надо мной смеются. – Это была не война.

-А что же?

-Никто твою Сербию не завоевывал.

-Ничего себе. Три месяца развлекались.

-Да, но это была не война.

-Неужели?

-Полицейская операция. Принуждение к миру.

-Насилие есть насилие. Агрессия в чистом виде.

Он в пол оборота, через плечо, взглянул на меня и снова стал смотреть на дорогу.

-Был когда-то на шарашке дворник Спиридон, - сказал, помолчав. - Помнишь такого? В «Круге первом»?

-И что?

-Мужик от сохи, полуграмотный. В отличие от высоколобых мужей, кичащихся своей ученостью...

-Как ты.

-Как я. В отличие от всяких умников, слепой старик знал, что *волкодав прав, а людоед нет*. Между силой и насилием разница, как ты понимаешь, принципиальная. Слова вроде бы близкие по значению, но между ними – пропасть. Силой можно разнять драчунов, успокоить ненавистников, рассадить по углам заклятых националистов, принудить к миру. А насилие – всегда людоедство.

-Как ты их принудишь, мне интересно? Сербов, курдов, чеченцев, албанцев? Или палестинцев, например? Я же их видела. Они ненормальные. Взрывают себя, и всё. Что ты с ними сделаешь?

-Помимо волкодавов и людоедов, есть еще кое-что, - избегая спорить со мной, сказал он. - *Ненасилие – бесконечно выше насилия*.

Я взвилась.

-Да кто их насильовал? Я, что ли? Я вообще ни при чем. Легко тебе рассуждать, а у меня Кузьминична там осталась. Они и ее взорвут, не поморщатся. А она, может быть, одна во всем Израиле жалеет тех и других... Нет, я с тобой не согласна. Ино-

гда мне кажется, что люди неисправимы. Мы от рождения недоброкачественные. В нас есть червоточинка, какой-то изъян. И его уже ничем не исправишь. Бог создал человека не сразу, а на седьмой день творения. За шесть дней утомился, устал. И поэтому мы получились несовершенными. Не помню, кто это сказал. Но, по-моему, остроумно и, главное, верно.

-Марк Твен.

-Тем более.

Он с легкой грустью посмотрел на меня и сразу же отвел глаза. Выждал какое-то время, чтобы я успокоилась.

-Винить во всем не себя, а другого – неправильно, Маш. Это опасный путь.

-Не опаснее, чем взрывать ни в чем не повинных людей!

-Как ты помнишь, - спокойно продолжал он, словно предлагая, чтобы я последовала его примеру и не горячилась, - немцы во время войны обвиняли нас, русских в России, считая, что мы одноклеточные. Дебилы. Неисправимы. И гнали пачками в концентрационные лагеря. Для американцев долгое время неисправимыми казались индейцы и негры. Для евреев – арабы. Для арабов – евреи. Для сербов – албанцы. Для албанцев – сербы. Когда винят не себя, а другого, это, прежде всего, признак душевного неблагополучия. Если на этот недуг не обращать никакого внимания, запустить, не лечить, возникает болезнь под названием чужеедство. Заразная, как чума. И тогда мы имеем Германию времен товарища Гитлера, Косово, Израиль и прочие прелести.

-А бомбить все равно нельзя.

-А как? Подскажи, как?

-Хотя бы ледорубом по башке, - зло сказала я. – Всех этих Арафатов, Милошевичей и прочих, которые эту чуму нарочно распространяют.

-Горячий привет тебе, Машенька, от рябого горца.

Я отвернулась. Насупилась. И стала смотреть в окно.

Не хватало еще, чтобы мы из-за политики поцапались.

Справа, когда спускались с холма, блеснуло Торбеево озеро. Вода в нем цвета посеребренной голубизны, чуть светлее, чем небо над нами. На дальнем берегу что-то построили, пансионат

или лодочную станцию. Я вспомнило свое родное Жуклино - оно справа, за лесом, неподалеку. Себя, деревенское детство, когда просто летала, как стрекоза, пела, бегала и незаметно взрослела. Если обогнуть озеро и углубиться в лес, то километров через десять-двенадцать, немного на отшибе, будет мой любимый Гремячий Ключ. Место, которое Никите я хотела бы обязательно показать. Хотя мы оба родились в мотострелковом монастыре, как Никита называет наш Рыков Лог, жизнь очень скоро разбросала нас в разные стороны. После загадочной смерти моей мамы меня совсем крохой увезла в Жуклино и удочерила Кузьминична, а Никиту вместе с сестрами и Оксаной Петровной через несколько лет после меня перевез в Москву Елисеич. Так что до восемнадцати лет я была завзятой провинциалкой, а он с раннего детства столичной штучкой, поэтому лучшие подмосковные достопримечательности надолго оказались для него недоступны.

Перед будкой ГИБДД он дисциплинированно сбросил скорость.

Хозяин трассы, плотно сбитый, с обветренным обожженным лицом, проводил нас взглядом только что позавтракавшего серого волка. Лень придирается, не остановил. Я едва удержалась, чтобы не показать ему язык.

На горке мы безо всякой очереди заправились, и поехали дальше.

Никита протянул руку и пожал мою вялую кисть.

-Отуманилась, зоренька ясная?

-И не рассчитывай. Я в порядке.

-Хочу напомнить тебе одно известное стихотворение, - сказал он. - По теме. Джон Донн, семнадцатый век. Не возражаешь?

-Нет.

-Даже не стихотворение, а проповедь.

-С удовольствием послушаю.

Обеими руками он плотно сжал рулевое колесо. Помедлил немного, видимо, припоминая слова. И прочел.

-Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе. Каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если

Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, а также если смоем край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе.

-Спасибо, - прошептала я.

Он хорошо прочитал. Негромко, выделяя каждое слово, без излишнего пафоса. Я даже расчувствовалась. Раньше я слышала только про колокол, который по ком-то звонит, но не знала, что это строчка из стихотворения.

-Прошло почти четыреста лет, - сказал он. - Поэта мало кто услышал. Не услышали и известного врача и психолога, который жил в этом веке, на триста лет позже, и говорил практически то же самое. *Если в мире что-то не так, то причина этого кроется в том, что что-то не так во мне.*

-Ой, не знаю, не знаю. Они там с ума посходили, грызутся друг с другом, как крысы, а ты виноват?

-Виноват, - сказал он. И, помолчав, добавил: - Я так чувствую.

-А, по-моему, ты все себе красиво придумал. Согласись, это не ты сказал. Слова замечательные, но они не твои, чужие.

-Чужих слов не бывает, - спокойно возразил он. – Слово высказанное - уже обнародовано. Оно принадлежит всем. По определению. Любому и каждому, кто находит в нем интерес. Стало быть, и мне тоже.

-Да, конечно. Но я о другом. Сам бы ты что сказал?

-Все уже сказано, Маш. *У человека нет ничего своего, кроме мнений.*

-Как это? Не поняла.

-До нас жили люди несколько не глупее нас. Нынешние пророки, учителя, вожди наций – надутые болтуны по сравнению с ними.

-Но жизнь не стоит на месте, правда же? Она меняется, усложняется. Мы сейчас по-другому живем. Гораздо быстрее.

-Если и меняемся, то очень мало. И еще неизвестно, в какую сторону.

-Известно, в какую, - сказала я.

-Человек, Маш, как я думаю, может по-настоящему измениться - то есть вырасти, стать крупнее - только встав на плечи своих родителей. Усвоив их опыт. Опыт предыдущих поколений, могучий опыт прошлого. Вся мудрость мира – там. А здесь суэта и погоня за удовольствиями.

-Увиливаешь, - упрямо не соглашалась я. – Прячешься за спины других. Не хочешь меня услышать... Вот ты такой умный, подкованный, все знаешь, обо всем прочитал... Я тебя прямо спрашиваю, в чем корень наших бед? Как ты сам-то считаешь? Ты, Никита Ручаев, лично?

Он усмехнулся.

-Лично - не знаю.

Кивнул в мою сторону пальчиком, попросив кока-колы. И прикурить для него сигарету.

Несколько раз торопливо затянулся, потом сказал:

-Бедное сердце.

-Не поняла.

-Нищее, скудное, слишком бедное сердце. Мне кажется, в этом все дело. Недоразвит этот орган. Мы глухи, невосприимчивы. Взрывы, войны, мальчики в цинковых гробах, брошенные дети, обездоленные старики, алкаши, наркоманы – как будто ничего этого нет. Мы же ни черта не чувствуем!

Он вдруг заговорил с напором, волнуясь, ломким звенящим голосом. Я уже не в первый раз за ним замечала: когда он хочет сказать что-то важное, о чем часто думает, что его по-настоящему трогает и беспокоит и в чем он не до конца уверен – его переполняют сердитые эмоции, он становится агрессивен, и не в состоянии себя контролировать.

-Сердце – не просто насос. Не только устройство, толкающее кровь. В нем совесть, любовь, милосердие, жертвенность, благородство, мудрость, жалость. Только оно скажет, что место сильного – на стороне слабого... *Мыслить и страдать... И долго буду тем любезен я народу, что милость к падшим призывал...* Милость к падшим живет в сердце и больше нигде... На кнопки мы нажимать научились. Но нас мало занимает, искренни мы или нет, сочувствуем или нет, понимаем друг друга или нет. Головы забиты сайтами, файлами, всевозможными

фактами, датами, курсами валют, как будто у нас не головы, а ящики для хранения хлама. Многие знания – многие печали, а у нас почему-то все наоборот. Чем больше знаем, тем меньше печалимся. Сердце не работает, усыхает, за ненадобностью отмирает. Опять же люди, которые жили до нас, говорили: *знание без благоговения, образование без души принадлежат к числу тяжчайших грехов, ибо неизбежно ведут к поступкам, направленным против человека...* Вдумайся, Маш. Тягчайший грех!.. Ты можешь быть блестяще образован, знать даже больше, чем наши выскочки, олигархи и реформаторы, но если в тебе нет благоговения, нет души, ты даже больше, чем грешник. Может быть, даже преступник... Пустое знание не предполагает сочувствия, а, значит, не рождает и понимания, которое, как известно, неизмеримо выше знания.

-Согласна, - сказала я, дав ему возможность передохнуть после столь пылкой речи. - Но как? Как сделать так, чтобы человек был не только хорошо образован, но и имел отзывчивую душу?

-Не знаю, - он повернулся, чтобы стряхнуть пепел, и заодно вежливо мне улыбнулся. - Ты, Марусечка, слишком многого от меня хочешь.

-Но мне действительно интересно. Можно ли научиться чувствовать чужую боль? Хочу понять. Как мне жить? Что бы такое предпринять, чтобы у меня было не черствое, а богатое сердце?

Никита качнулся грудью к рулю. Ему показалось, что я им недовольна. Подшучиваю над ним.

-Зануда? – спросил он. – Слишком серьезен?

-Да. То есть, нет... Я не знаю.

-Ты права, - сказал он. - Больше не буду.

-Будешь, - твердо сказала я. – Ты обязан меня просвещать.

Он хмыкнул и легонько пристукнул ладонью по рулевому колесу.

-По этому поводу, Маш, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин как-то заметил - точнее, не он, а один из его глуповских градоначальников: *просвещение следует внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития.*

-Фигушки, - сказала я, выпустив игривый смешок. - Совсем без кровопролития – не обещаю.

-Оставишь в живых?

-Придется... Иначе дурочкой и помру.

-Ни в коем случае, - сказал Никита. – Мы этого не допустим.

Все-таки он ломака, подумала я. Обожает выступать. Ему нужны зрители, слушатели. Когда говорит без фиглярства, по делу, все очень даже пристойно. Но частенько, к сожалению, его заносит. Берет верх желание что-то значить, играть роль, производить впечатление. И еще я заметила, в чем между нами разница: я панически боюсь сболтнуть лишнее, сморозить какую-нибудь глупость, а он, несмотря на позерство, в глубине души застенчив, робок. Как будто чего-то стесняется. Сидит в нем не такой, как у меня, а совсем другой страх - скорее всего, боязнь не понравиться.

Я попила водички, и приготовилась выслушать очередную заушную речь.

-Одну из последних в своей жизни проповедей, - заговорил он насмешливым голосом, - которую назвал «Благо любви», Лев Николаевич начал так: *Милые братья, особенно те, кто теперь у нас в России занимаются тем или иным, никому не нужным государственным устройством.*

-Ой, Никита, - гримасничая, попросила я. – Давай сегодня политику пообедем? Я уже говорила тебе, что меня от нее в сон клонит.

Он с наигранным удивлением взглянул на меня:

-А от любви?

-От любви вообще выпрыгну из машины.

-Притормозить?

-Нет уж, лучше рассказывай. Как-нибудь дотерплю.

Видимо, волнуясь, он снова попросил прикурить для него сигарету. Я тоже закурила с ним за компанию.

-Так вот, - сказал, выпустив в окошко дымок. - Стало быть, благо любви... Старец унес с собой мудрость в могилу, а здесь, тем временем, революции, войны. Брат на брата. Рознь и резня. Люди, великие только во зле, думали не о благе любви, а о государственном и мировом устройстве, не считаясь ни с какими

жертвами. Льва Николаевича вовремя не послушались, и, в результате, количество невинно загубленных душ перевалило за миллионы. Некоторые призадумались. И сказали: нет. Старик в чем-то был прав. *Все не так, ребята.* Заниматься надо не большими числами, а единицами. Все состоит из единичек. Семья, клуб любителей пива, дружеский круг. Мы с тобой. Общество, партии, государства, страны, мир. Занимаясь большими числами, попадаешь либо в Освенцим, либо в ГУЛАГ. Проверено: топь. Дорога скверная, гибельная, не стоит по ней ходить. Надо бы развернуться, опомниться. И пойти дорогой любви. Заняться, наконец, единичками. То есть по-настоящему важным, достойным и богоугодным делом. Самим собой. Своим внутренним устройством.

-Сердцем? Душой?

-Да, Маш. **Самоосуществлением.** Только в этом радость и смысл. Оправдание. Цель. И, кстати, давно провозглашенная национальная идея.

Многое из того, что он говорил, было за гранью моего понимания. Не помню случая, чтобы кто-нибудь из прежних моих ухажеров и кавалеров все свое красноречие употреблял на то, чтобы побеседовать, например, с дамой сердца о национальной идее, или брался объяснить, в чем состоит смысл жизни. И все же, озадаченная и смущенная, я спросила себя, что он имеет в виду, когда говорит о самоосуществлении? Не карьеру же? Не пачки денег? Не виллы и мерседесы?.. А что тогда?.. Духовный рост?.. Или как Женя учила заболевшего Кленова – строить царство Божие внутри себя самого?.. Но как? Как это сделать?.. Разве можно что-то ломать и строить в собственной душе?

Никита, между тем, продолжал:

-До сих пор человек меньше всего знает именно самого себя. Процентом на пять, на десять, не больше. Остальное – тайна, загадка, темный лес... Ну, что может сказать миру тот, кто даже не пытается узнать самого себя?.. Все разрушительное, дикое, злое, страшное, все войны, революции, весь современный террор, все мыслимые и немыслимые безумства рождаются сначала у него в голове. А он чешет в затылке и удивляется, откуда что берется.

-Упрямый. Не хочет знать.

Он кивнул.

-Вроде бы бесспорные факты, а – не слышит.

Я слегка пожала его руку, которая обнимала рычаг переключателя передач. И осторожно спросила:

-А, может быть, так хотел Он? Творец?.. Может быть, мы запрограммированы вовсе не на любовь, а на грызню друг с другом под видом общественного устройства?

Никита качнулся, повернул голову, и с удивлением, даже с некоторым испугом покосился на меня.

-Нет, ты, в самом деле, так думаешь?

Я пальчиком показала в окно.

-Между прочим, наш поворот.

Узкая извилистая дорога, ведущая непосредственно к Рыкову логу, была совершенно разбита. Рывтины, вмятины, провалы, ямы. Судя по всему, асфальтовое полотно не чинили все тридцать лет, пока нас тут не было. Местами оно треснуло, взморщилось, местами его разворотили тракторами и тяжелыми машинами. При такой авральской езде, конечно, не до политических споров, лекций и выступлений, и, тем более, разговоров по душам. Бедный Никита. Он моментально взмок, уворачиваясь от бесконечных ловушек. Беспрерывно давил на педали тормоза и сцепления, суматошно менял передачу, выкручивал туда-сюда руль. Ругался, как грузчик. Несмотря на все его старания, машина все равно царापала днищем. Всякий раз, когда у нас под ногами раздавался характерный шуршащий скрежет, лицо его искажалось от боли.

Тихое мое сочувствие мало ему помогало.

Между тем, к цели мы все-таки приближались. Миновали несколько захудалых придорожных деревень.

Что ни село, то кричащая бедность, сиротство, заброшенность, отсталость и не ухоженность.

В какой-то момент мне показалось, я что-то припоминаю. С каждым поворотом, с каждым новым спуском или подъемом, во мне нарастала не только грусть, но и волнение. Густозеленый сумрак, тенистое редколесье впереди и справа – как

будто я здесь гуляла, пела, собирала полевые цветы. Точно такие же перелески на околицах Жуклино. Излучины троп, изхоженные спутанные дорожки вели от станции в лес. Неужели я по ним бегала? Знакомая поляна с тремя дубами, островки отцветающих люпинов, худенький частый осинник. Я будто бы ясно слышала, как, перекрикиваясь, кто-то на опушке собирает грибы.

Последние два-три километра дорога шла лесом. Здесь покрытие было достаточно хорошим, и Никита расслабился, немного передохнул.

Наконец, за деревьями показались ворота со звездочкой, узкое одноэтажное строение из белого кирпича.

-Слава Создателю, - сказала я. – Кажется, добрались.

Не успели мы осмотреться и перевести дух, как из армейского домика выкатился курносый круглолицый солдатик и направился прямо к нам.

Погарцевал вокруг машины, демонстрируя военную выправку. Его солидная не по годам серьезность вызывала улыбку. Он и выглядел очень комично – щупленький, весь на шарнирах, личико как у клоуна. А распорядительности не меньше, чем у генерала. Посчитав, сколько нас прибыло, командирским жестом показал, где следует припарковаться.

-Раскрепостись, - шепнул мне Никита. – Если я правильно понимаю дислокацию, женские чары здесь важнее присяги.

Игрушечных солдатиков, несущих вахту у ворот, оказалось трое, и поладить с защитниками Отечества, решил Никита, лучше всего сможет свободная, не лишенная прелести женщина.

-Привет, мальчики.

Я картинно вышла из машины. Как глянцева дива с обложки журнала, улыбнулась каждому в отдельности.

-В Храм, небось? – спросил пухлогубый с ушками, торчащими как у зайца.

-Так точно, мой золотой. В Храм. Надеюсь, можно?

-Не знаю, - хмуро сказал он. – Чего старший решит.

-А вы доложите, что к нему любовница нагрянула.

-Врите, тетенька, да не завирайтесь, - покосился на меня другой славный воин, веснушчатый и розовощекий. – Еще с катушек слетит. Хрен его знает, что подумает.

-Шибко строгий?

-Нормальный. Но за такие шутки и по шее схлопотать не долго.

Ни я, ни Никита представления не имели, всех они пропускают или выборочно, по предварительному согласованию. Как-никак армия, у них тут свои порядки. Наверное, самое важное, с какой ноги встал сегодня их командир.

Пришлось жеманничать, хлопотать лицом. Очень может быть, не имей я за душой соблазнительных форм, нас бы развернули и отправили восвояси. А так – проявили великодушие и гуманность.

Солдатики, окружив неопознанный объект, провели меня в здание проходной, и, согласно уставу караульной службы, стали дозваниваться до начальства.

-Звезда, Звезда, я Заря, прием. Федька, трубку полож, Крезуна надо. Звезда, я Заря, прием.

В тесной коморке, где мы с трудом поместились, боевитости у солдатиков поубавилось. Ребятки пребывали как раз в том возрасте, когда больше, чем поступь врага, тревожит запах и вид женщины. Мое присутствие их не столько смущало, сколько, по-моему, развращало. Я ловила на себе вороватые взгляды. Они пытались представить себе, что за прелести спрятаны у меня под одеждой. Украдкой, но упорно раздевали меня глазками. И буйно краснели, когда я заставляла их за столь преступным занятием.

Бедненькие. Страдальцы. Дети, обделенные радостями жизни.

Чем дольше я находилась с ними в одном помещении, тем искреннее жалела. Дабы хоть как-то потрафить несчастеньким, я поворачивалась, без нужды наклонялась, принимала рискованные позы. Мне казалось, большого греха в этом нет, а им после отбоя, перед тем, как уснуть, будет, что вспомнить.

Наконец, Федька перестал шалить. Крезуна отыскали. Звезда Заре ответила. Мальчики записали номер машины, наши фамилии, и разрешили идти к Храму прогулочным шагом.

-Эта дорога, - спросил Никита. – Она ведь нас доведет?

-Упретесь.

Весь путь от армейских ворот до монастырских – а это по прямой около километра – юные мои поклонники с черной завистью смотрели нам вслед.

Справа тянулся овраг. Распаханная полоса, колючая проволока в несколько рядов. Слева будки, казармы, блочные двухэтажные специальные сооружения. Обвалованные склады, плац для ходистики.

Никита сник, потому что не узнавал ничего.

-Что ты хочешь? - как могла, утешала я его. - Военное могущество Родины прирастало. Пока мы с тобой отсутствовали, они не сидели, сложа руки. Всё тут к чертовой бабушке перерыли и перестроили.

Впереди, прямо по ходу движения, показалась надвратная церковь. Одноглавая, с широкими боками. Устремленная ввысь.

-Часовой, - сказала я. – Вот кто охраняет покой гарнизона.

С каждым нашим шагом церковь увеличивалась в росте. Несмотря на повсюду разбросанную приватизированную армейскую собственность, на рвы и надолбы, обнесенные колючей проволокой, господство ее над местностью, над расквартированной здесь воинской частью для меня, например, было очевидным. Играл на солнце бликами отреставрированный купол. Массивный крест подпирал небо. Вправо и влево от нее, с заворотом, уходила карминового цвета облупленная стена в лесах. Над срезом ее, в отдалении, виднелись луковки основных монастырских церквей.

Я взяла Никиту под руку.

-Не знаю, - явно волнуясь, сказал он. – По-моему наш монастырь был величественнее. Выше, крупнее, солиднее.

-Не забывай, это был не монастырь, а военный поселок.

-Я помню.

Никиту увезли отсюда маленьким мальчиком, меня вообще чуть ли не в грудном возрасте. С тех пор, худо-бедно, мы подросли, а все вокруг, естественно, уменьшилось. Детская память по-своему цепкая, но очень уж доверять ей не стоит – беспомощный человечек состоит из мечты, надежды и страхов. В то время, когда Никита под стол пешком ходил и в углу стоял, обрывистый склон по правую руку от монастырских стен представлялся ему бездонной пропастью. Стены непробиваемыми и неприступными. Обступивший лес темным и страшным, полным нечистой силы.

Сквозь потрескавшиеся, залитые краской церковные ворота, замедлив шаг, мы вошли внутрь. Никита вспомнил дуб и липу, под которыми спал в коляске. Часовню. Издали узнал центральный собор. Бывшие монашеские кельи, приспособленные под жилье, как отдельно стоящие, так и встроенные в толстые стены, где «на сорок восемь комнаток всего одна уборная» и где обитали Ленька, Ваня, Катя и еще много других ребят.

-Всех потерял, - огорчался Никита. – Что с ними? Где они сейчас? Ни про кого ничего не знаю.

-И я.

-Да, - вздохнул он. - *Уходят, уходят, уходят друзья. Уходят, как в ночь эскадрон на рысях.*

Вон там, в ангарах, показал он, прятались гаубицы, пушки, танки.

-Проковыряем дырочку, и смотрим.

-Куда?

-Не куда, а на что. Ты думаешь, почему я так робок с женщинами, а во всем остальном агрессивен не в меру?

-Действительно, почему?

-Потому что военщина. Извращенец. С малых лет. Надо было подсматривать за девчонками, а я пялился на эту грудку металла.

-Может быть, девочки были дурнушки? Не на что посмотреть?

-Красавицы, - сказал он. - Одна лучше другой.

Мимо нас летящей походкой прошел седовласый священник с крестом на груди.

Мы раскланялись.

Он приветливо нам улыбнулся и показал на открытые настежь двери – пожалуйста, мол, туда, в Храм. И сказал:

-Что же вы, милые, так опаздываете.

-Успеем, - шепнул Никита.

Ему не терпелось обойти территорию монастыря. Вспомнить деревья, горки, тропинки, ямки, позабытые закуточки и уголки, так много значившие для него когда-то. Я, разумеется, не возражала. Хотя сильных чувств не испытывала. Откровенно говоря, мне и вспомнить-то было нечего. Как-то не верилось, что я здесь родилась и, пусть немножечко, но жила.

-Аллея лип, - показывал он. - Здесь мы играли в салочки, а большие ребята в казаки-разбойники. А это бывшая площадка, где резались в лапту. Тут еще стоял низкий заборчик, окружавший часовню. Теплиц и грядок, по-моему, не было. Огурцы и капуста росли в другом месте. Или были, не помню.

Под могучей лиственницей, которую он любовно погладил, мы сошли по замшелым ступеням с пригорка вниз. Перед покосившимся двухэтажным строением, примыкавшим к монастырской стене, он вдруг замер, и тихо сказал:

-Кажется, здесь. Она. Келья моя.

Я потерлась щекой о его плечо.

-А где моя?

-Где-нибудь рядом.

Невзрачная низкая дверка была полуоткрыта. Никита несмело заглянул внутрь, и на пороге едва не столкнулся с чернобородым человеком, похожим на моложавого монаха, державшим ведро с краской.

-Здравствуйте, - сказали мы.

-Доброго здоровьичка.

-Можно одним глазком? – спросила я.

-Испачкаетесь, - мягко ответил учтивый человек. – У нас ремонт. А дальше, по галерее, и пола нет. Сами по дощечке ходим.

Никита растерянно отступил.

-Извините.

-Бог в помощь, - сказала я. – Удачи вам. И всего хорошего.

-Храни вас Господь, - с легким поклоном сказал бородач.

Я подхватила Никиту под руку. Мне показалось, он удручен. В глазах его появилась горечь, какая-то беспомощная печаль.

-Ну-ну, - успокаивала я его. – Не стоит так расстраиваться. Останки, но все-таки увидел.

-Прости.

-Взгляни на боевую подругу, - подбадривала я его. – Ты хоть что-то, но нашел. А я даже не знаю, из какой гаубицы вылетела. И то ничего.

-Да, - сказал он. – Не думал, что будет так грустно.

Держась за руки, мы поднялись по тем же растрескавшимся ступеням, и медленно, без какой-либо цели, еще погуляли.

Я шла, и тоже расстраивалась (правда, не так сильно, как он, и совсем по другому поводу).

Пустынь – любая, где бы ни находилась, будь то Козельск, Соловки, Валаам, - место всегда благодатное. Не людьми выбранное, а подаренное небесами. Но, Боже мой, как же здесь все унизили, покалечили. За что? Зачем? Какая надобность? Что за страсть такая дурная – умерщвлять красоту, превращать все живое в руины? Куда ни глянешь, стены с чудовищными провалами, в зияющих ранах. Угловые башни – когда-то нарядные, пышные, как кустодиевские купчихи – стояли потерянные, с осыпавшимися вершинами, подпертые бревнами. Кренились, устав держать форму. Какие-то измученные, отчаявшиеся. Словно состарились раньше времени. Плюс ко всему, их еще и разламывали, разрывали на части молодые березки, вцепившись корнями в разможенные черепа. Повсюду строительный мусор, бетономешалки, груды досок, стопки светлого кровельного железа. Главный собор (это его солдаты у входа называли Храм) подправили, подновили, относительно привели в порядок раньше других строений. Трудлюбивым монахам честь и хвала. И все-таки тошно. Больно. Если такими темпами восстанавливать, жизни не хватит, чтобы хотя бы вернуться к тому, что **уже было** двести, триста, сто лет назад.

Посреди куч песка и кирпичных отходов я заметила аккуратненькую ухоженную куртину. Показала Никите:

-Правда, прелесть?

-Угу, - буркнул он, даже не взглянув на нее.

Он отсутствовал. Погрузился во что-то свое. Такие мелочи его сейчас не интересовали.

А я полюбовалась. Флоксы, мальвы, кохии, анютины глазки, по краям низкорослые кусты можжевельника. Задумано и выращено с умом и любовью.

Описав по территории круг, мы вернулись к Храму и вошли внутрь.

У порога оба от удивления оцепенели.

Такого обилия молящихся в форме и при погонах, - сразу столько военных, не шагающих строем, - я никогда прежде не видела.

Мы застали момент окончания службы. Что это было за торжество, мы так и не поняли, а спросить постеснялись. Скорее всего, какой-то престольный праздник или что-то в этом роде. Вряд ли боевой гарнизон отмечал в церкви очередную победу на ратном поле – это было бы совсем уж невероятно.

Внутреннее убранство молельного зала поначалу показалось мне слишком скудным, бедным, совершенно не праздничным. Но вскоре я осмотрелась, и нашла, что в неустроенности, в этом грубоватом аскетизме есть свое скромное достоинство. Стены выкрашены белой краской. Потолок пустой, без росписей, тоже белый. Пол отчищен и помыт. Сохранились старинные, в ямках от ног, протертые плиты. Каркас алтарной перегородки сбит из свежеструганных досок, судя по всему, недавно, возможно, к этому дню. В предполагаемом иконостасе заполнен лишь средний ряд. Дверей, разделяющих молящихся и священнослужителей, пока нет. В проемах развешаны поясные изображения Спасителя, Николы Угодника, Богородицы и еще кого-то, не поняла – чересчур яркие, ученические, выполненные в одной манере, наверное, каким-нибудь старательным солдатом в свободное от строевой подготовки время. Эстетика сугубо спартанская, не столько церковная, сколько казарменная, лишенная полутонов и мягкости. Тем не менее, необъяснимым образом что-то меня под этими сводами волновало. Может быть, символ, **Крест и Пуля**, как говорил знакомый Кленова. Армия, вросшая в церковь, или наоборот. Мужской сермяжный дух. Оторван-

ность, отъединенность, особый жесткий стиль. Будь на то моя власть, я бы возвела в добродетель высшего порядка эту неброскую солдатскую солидарность. И, конечно, холостяцкую скромность, опрятность и чистоту.

К алтарю мы протискиваться не стали. За спинами бойцов, шевелящих губами и бьющих поклоны, я провела Никиту к колонне, в левый неф. Мы приготовились послушать и понаблюдать.

Но тут служба неожиданно кончилась. Прихожане стали медленно расходиться (присутствовали здесь и гражданские, правда, их было немного, совсем горстка, три-четыре молодые женщины, мальчик лет семи, две старушки и сгорбленный старичок). Мимо нас, обтекая, гурьбой шли офицеры, сержанты, старшины, толстощекие крепенькие солдаты. Взгляд постоянно наткался на оттопыренные уши, остриженные затылки. А лица осмысленные. Глаза вовсе не милитаристские. Я все ждала, что кто-то посмотрит на нас по-военному строго, может быть, с осуждением или, по крайней мере, с любопытством, но так и не дождалась. Они уходили молча, не общаясь друг с другом, отрешенные, наполненные тем, что взяли, отдали, получили, может быть, той благодатью, которую подарил им их здешний Бог, совсем не военная служба, эти суровые, голые белые стены.

В центре зала, неподалеку от нас, батюшка, завершив богослужение, живо обсуждал со старшим офицером какие-то хозяйственные дела.

Разговаривали они, не стесняясь, как у себя дома, достаточно громко. Уловить смысл было не трудно. Священник, легко перейдя со старославянского на русский, договаривался с командиром относительно техники, дополнительных пиломатериалов, рабочей силы.

-Сейчас пожалуйста к нам, - мягко и вместе с тем настойчиво приглашал он офицера. - Отведайте, что Бог послал. Не взыщите. По случаю праздника общая скромная трапеза. А уж завтра, как солнышко встанет, помолимся вместе, восславим Бога, а потом и потрудимся вместе. Милости просим.

-Сделаем, отец.

-Уж, пожалуйста. Мы на вашу помощь очень рассчитываем. Повязанные разговором, с головами, повернутыми друг к другу, они, не спеша, удалились.

Мы остались одни.

Немного постояли посреди опустевшего зала.

Никита чуть слышно коснулся рукой моего плеча, и я обернулась.

Глаза его были полны слез.

ОБОЛЬСТИТЕЛЬНАЯ ДАЛЬ

Никита

Измятая большегрузными машинами, глинистая вьющаяся грунтовка вела под изволок в долину. Нужный нам, дальний берег Малого Киржача был крут и лобаст. Взбегающие по склону спелые сосны служили ему ожерельем.

Трудяга «гольф», спустившись в низину, со всеми предосторожностями переполз по самодельной перемычке обмелевшую речку. Однако, едва замыслив подъем, благоразумно замер, уткнувшись в непроезжий поперечный ров, намытый весенним паводком, летними грозowymi ливнями.

Я предложил оставить машину здесь и подняться в деревню пешком. Марьяна, выждав, когда вокруг осядет пыль, показала на еще один отросток дороги, левее и ниже.

-Как-то они к себе попадают?

И оказалась права.

Это был кружной въезд – по луговине, вдоль речки, огибая пологий, утыканный диким кустарником, выступ. «Гольф» плавно, без усилий взобрался на макушку холма, и мы очутились в самом центре деревни Верхнее Лаптево.

Место лысое, гладкое, на припеке. С трех сторон деревню обступали леса.

Пустая одинокая улица. По обе стороны, вразброс, пять-шесть жилых дома, столько же заколоченных.

Со скоростью пешехода мы прокатились в конец деревни, потом обратно, надеясь кого-нибудь встретить.

-Непривычно, - сказала Марьяна. – Совсем нет людей.

-Хотела бы так пожить?

-С радостью.

На краю, у обрыва, мы вышли из машины, и постояли.

Отсюда, с вершины холма, взгляду открывался пушистый котлован. Райская впадина. Продолговатая, плавно изогнутая долина. Высокие ее бока снизу доверху пенились курчавыми кронами. Внизу, на ярко зеленом ковре, посверкивал, петляя, узкоплечий Киржач. По руслу его, на изломах, обозначая речные перегибы, росли, восседая кружком, плакучие ивы. Сверху пойма выглядела величавой. Противоположный склон, по которому мы только что съехали, отложе, не столь высоколоб, но так же обильно украшен изумрудными шапками, не менее щедро расцвечен и по-своему сочен. Среди роскошных трав, по широкой луговине, причудливо извивались, смыкаясь и разбегаюсь, две оранжевого цвета дороги – как у Окуджавы, *подруги, любовь и разлука, не ходят одна без другой*. Небо глубокое, бирюзовое, в россыпи зрелых кучевых облаков.

-Шикарно, скажи?

Марьяна кивнула.

-Очень красиво. Просто – очень. Не верится, что такое можно встретить в ста километрах от Москвы.

-И не в Италии, не в Швейцарии какой-нибудь, а у себя дома.

-Удивительно.

За спиной у нас скрипнула калитка.

Вышел мальчик с велосипедом. Дачник по виду, в шортах. На носу тесные круглые очки. Щупленький, на цыплячьих ножках. Не проявив к нам ни малейшего интереса, тем не менее, показал, где находится дом Матвея Чепурды, который был нам нужен. Молча оседлал своего конька-горбунка и, взбивая горячую пыль, поехал по пересохшей дороге в сторону леса.

Мы постучали колечком в покосившиеся ворота.

-Хозяева? Есть кто-нибудь?

Из-за глухого забора всполошным квохтаньем ответили куры.

Робея, вошли.

К дому, стоявшему чуть правее, вела присыпанная мелким гравием дорожка. По левую руку – грядки с зеленью, капустой и огурцами, невысокая тепличка под надорванной истрепавшейся пленкой. Дом рубленый, пятистенок. Добротный, хотя и не новый. Бревна потемнели от времени, нижние венцы расстрескались и облупились. На ступенях крыльца мы заметили несколько пар стоптанной обуви, детской, мужской, женской.

-Люди? Ау?

Никто не откликнулся. Лишь куры рядили-судачили, обсуждая непрошенных гостей.

На свой страх и риск, не заходя в дом, мы прогулялись по дорожке вдоль грядок в направлении хозяйственных построек.

Марьяне в ноги неожиданно выкатился косолапый пушистый щенок.

-Господи, очарованье, - она присела, взяла его на руки и поцеловала в лобик. – Славненький карапузик. Это ты тут всем управляешь?

Из конуры высунулась огромная кудлатая голова. Должно быть, мамаша. Она лениво гуфнула, громыхнула цепью, и, не найдя причин беспокоиться, легла досматривать дневной сон.

-Чего надо? – услышали мы резкий, недовольный мужской голос.

-Добрый день, - отозвалась Марьяна. – Можно к вам?

-Нет никого.

-А вы?

-Занят я.

Голос доносился из-за сарая. В углу двора бесформенной кучей, в навал, лежали расколотые березовые поленья. В натруженной плахе, в искрошившейся ее сердцевине, торчал колун с треснувшим лоснящимся топорщиком.

-А мы подумали, никого нет.

-Не померли еще.

Мы подошли.

-Здравствуйте, - сказал я. – Матвей Чепурда?

-Ну, - он с неприязнью взглянул на меня и сразу же отвернулся. - С утра был Матвей. Чего тебе?

-Не сердитесь, - сказала Марьяна. – Мы к вам.

-Не до вас тут, - раздраженно перекатил он сутулыми плечами.

Это был нескладный жилистый, забывший побриться, мужик, голый до пояса, в затрапезных рваных штанах, подпоясанных бечевой. Сидел он на низенькой лавочке, спиной к нам, и отвечал, не поворачивая головы. Пальцы его были сплошь синюшного цвета, и сразу стало понятно почему. Перед ним лежала пластом жирная белесая свинья – сонная, обездвиженная, как неживая, - и он специальными иглами делал ей наколку.

-Бог в помощь, - сказал я. – Простите, что без предупреждения. Позвонить вам пока нельзя. Мы из Москвы. С трудом вас нашли. Уделите нам несколько минут?

-Ослеп? – рявкнул он. – Некогда мне.

-Мы долго вас не задержим, - попросила Марьяна, чувствуя себя кругом виноватой.

-Мои по ягоды ушли.

Сердитость его, взвинченность, неуступчивость никак не вязались с тишиной двора, с мирным обликом неспешной крестьянской жизни, тем более, с окружением, с теми видами, которыми мы только что любовались. Определенно, меня бы он выставил в два счета, но грубо обойтись с незнакомой женщиной духу у него, по-видимому, не хватало.

Не сговариваясь, мы решили проявить упорство, хотя это было невежливо. Прodelать такой путь, и уйти ни с чем, не задав хозяину ни одного вопроса, казалось невозможным.

Марьяна, не спуская с рук щенка, присела за спиной у него, чуть сбоку, на березовую чурку.

-Можно полюбопытствовать, что вы делаете?

-Нет, нельзя.

-Ну, пожалуйста. Одним глазком.

Матвей, резко обернувшись, хмуро и недовольно взглянул на нее.

-Ты чего, пива холодного хватанула?

-Вы про голос? – заискивающе улыбнулась Марьяна. – Нет, я сегодня трезвая.

-Чудной.

-Так вы разрешаете?

-Сглазишь еще, - сказал он заметно мягче. – Доделать надо.

На розовой ляжке свиньи, подбрав шерсть, Матвей заранее выделил местечко, и теперь трудился над замысловатой композицией с церквами и куполами. Мы явились не вовремя, в самый разгар работы, и, как всякий художник, увлеченный интересным замыслом, когда его внезапно прерывают или отвлекают, естественно, был зол и раздражен.

Марьяна поняла это лучше и раньше меня.

-Ух, ты. Башни со сводами, - робко, тихим вежливым голосом восхитилась она, наблюдая за его работой. – Звезды синие, купола. Что-то монументальное. Я права? Многоплановое художественное произведение?

-Кремль ей хочу всобачить.

-Кремль?

-Ну.

-Наш столичный, московский?

-А чего, не похож?

-Теперь узнаю. Здорово, Матвей. Лихо. Смело. Я бы даже сказала, дерзко. Действительно. Колокольня Ивана Великого. Великолепно. Никита, ты видишь? Спасская башня. С часами. Вы пользуетесь фотографией?

-По памяти. Сверху немного взял, наискосок.

-Да-да, я заметила, - кивнула Марьяна. - Меня смутило, что Мавзолея нет.

-А на кой он? Труп этот еще.

-Превосходно, Матвей. Просто замечательно. У вас необыкновенно зоркий глаз. Настоящий талант.

-Не готово еще.

-Нет, у вас золотые руки.

Матвей резко вскинулся, обернулся, и цепким колючим взглядом окинул Марьяну с головы до ног.

-Что-то сладко поешь.

Марьяна поежилась. Мне показалось, даже слегка оробела.

-Не каждый день такое увидишь.

Матвей отвернулся. И проворчал:

-Неспроста, видать. Себе, что ли, хочешь?

-Наколку? – удивилась Марьяна. – А что? Пожалуй. Я бы не прочь. Но, извините, только не Кремль.

-Само собой. Ты ж не она. Это я Степаниде клеймо ставлю.

-Такое сложное?

-Каждый по-своему с ума сходит, - хохотнул он. - Поводилась, сукина дочь, к соседям шляться. Тут свиной трое держат, поди, разберись.

-Свободолюбивая дамочка?

-А то. Шлендра первостатейная. Под забором лаз прокопает, и привет, ищи свищи. Надоело скандалить.

-Из-за нее?

-Того и гляди, упрут.

-Как упрут? Неужели у вас здесь воруют?

-А чем мы хуже? Не люди, что ли? Мигом на мясо. Варезку разинул, чик, и все дела.

-Нам показалось, у вас тут рай. Давно коммунизм.

-Вот и скоммуниздят к хренам собачьим.

Марьяну не смущало, что разговаривает она не с самим художником, а с его потной, в отпечатках чернильных пальцев, спиной, в кровь искусанной комарами и мухами. Я пытался ей намекнуть, что пора приступить к делу, ради которого мы приехали, но она моего нетерпения не разделяла. Склонив голову, насмешливо, с удовольствием с ним разговаривала и одновременно растроганно улыбалась, баюкая на коленях щенка.

-Ты это, - Матвей звонко шлепнул себя по щеке, сгоняя приставучего слепня. - Правда, что ли, картинку хочешь?

-Ну, не такую сложную. Попроще, – я бы, может быть, не отказалась.

-Замастырим махонькую. Цветочек или финтифлюшку какую-нибудь.

-Рисунок я сама могу выбирать?

-Чего душа пожелает.

-А где, на бедрах? На ягодицах?

-На твое усмотрение. Хоть на лобке.

-Побаиваюсь, Матвей, - подыгрывала Марьяна. – А где, по-вашему, безболезненнее?

-Везде пострадать придется.

-Вот видите. Я бояка ужасная. К мукам пока не готова. Если я правильно поняла, Степаниде вы рисуете под наркозом?

-Ага, - затрясся от короткого смеха Матвей. – Ее, заразу, словами не уговоришь.

-Я тоже хочу наркоз. Если все-таки решусь. Так удобнее. Укол я еще выдержу. Предпочитаю спать, как она, и ничего не чувствовать, пока вы будете священнодействовать.

-Ты себя с ней не ровняй, - наставительно сказал он. - Она оклемается. Во жирняга вымахала.

-Хотите сказать, укол делать тоже опасно? Я не выдержу?

Матвей дернулся и безжалостно хлопнул себя по спине. Буркнул что-то ругательное, злое и ненавистное, пообещав отомстить негодяйке, поскреб ногтями место укуса.

-Ты ж тощенькая, - сказал. - Послабее. Кабы беды не надевать. А то с цветочком и похоронят.

-Вот оно что, - призадумалась Марьяна. - Выходит, свинье можно, а мне нельзя? Как-то несправедливо, Матвей. Я бы даже сказала, обидно. Для кого-то у вас все удобства, полный сервис, а кому-то одни страдания.

-В тебе недовес. Нагуляй сальца сперва, тогда и будет сервис.

-А с сальцом, что прикажете делать?

-Как что? – хихикнул Матвей. – Тушенку или еще чего.

-Нет, - вздохнув, сказала она. – Риск слишком велик. Еще в обморок упаду... Понимаете, я боли не выношу.

-Да ну, какая там боль? Чуток потерпишь заради искусства. Ты ж к зубодеру ходишь?

-Хожу.

-Ну, вот.

-Степаниду вы водкой напоили?

-Еще чего, водкой. Самому опохмелиться нечем.

-Как же вы ее усмирили?

-Есть рецептик.

Шутливый, ни к чему не обязывающий разговор, похоже, Матвею не мешал. Если его что-то и отвлекало, то только настырные насекомые, жалящие в плечи, в голову, в спину. Он по-прежнему ловко орудовал иглами, меняя их время от времени.

Марьяна опустила щенка на землю.

-Вредно тебе подслушивать. Погуляй, пока взрослые разговаривают.

Малыш постоял, подумал, привалил спинку на хвостик, неуклюже развернулся и, со всей решимостью, на которую был способен, вновь запросился к ней на колени.

-Я не нянька тебе, - ласково пожурела его Марьяна. – Ишь, какой. Что ж ты к мамочке не идешь? Между прочим, мы с тобой даже не познакомились. Меня зовут Маша. А тебя как величают?

-Шнурок, - подсказал Матвей.

-Тысяча извинений, - помявшись, сказал я. – Вероятно, вы догадались, что у нас к вам небольшое дельце?

-Понял.

-Поверьте, нам самим неловко, что мы вам мешаем. У вас, я вижу, тоже времени в обрез. Степанида может в любую секунду проснуться, а Кремль не готов.

-Именно что.

-Просто ответьте на пару вопросов, хорошо? Не отвлекаясь. Если, конечно, это не скажется на качестве вашей работы.

-Без перекура – заради Бога. А вы кто?

-Нас интересует Мария Кузьминична, ваша мама.

-И с какого же боку?

-Соцстрах, Матвей, - не раздумывая, пригнул я. – Несчастные городские клерки. Наше начальство – чинуши, буквоеды – поручили кое-что выяснить.

-А, - из-под плеча он с презрительной ухмылкой на меня посмотрел. – Ну, валяй.

Я обошел свинью, и встал так, чтобы он, если поднимет голову, мог меня видеть.

-Последние годы ваша мама находилась в Доме Сестринского Ухода, в поселке Рахманово. Жила там практически постоянно, никуда не выезжала. Верно?

-Ну.

-И вдруг неожиданно покинула Дом и куда-то исчезла. Мы были там. Никто ничего определенного сказать нам не смог. Обслуга в недоумении. Каких-либо жалоб с ее стороны не припомнят. Такое впечатление, что она оттуда сбежала. Как вы думаете, что заставило ее так поступить?

-Я ей не сторож.

-Понимаете, Матвей, нам это важно выяснить. К вам мы захвали на удачу. С трудом узнали ваш адрес. Может быть, вам известно, где она сейчас?

-Весной тут жила.

-Здесь? – удивилась Марьяна.

-Ага.

-А потом?

-Испарилась.

-И куда?

-А шут ее знает.

-Погодите, Матвей, - сказал я. – Для нас это неожиданная информация. Значит, вы говорите, какое-то время Мария Кузьминична жила с вами, а потом уехала. Так?

-Ну, так.

-И родного сына не поставила в известность, куда направляется?

-Да какой я ей сын?

-А кто же вы? – спросила Марьяна.

-Хер по деревне, - грубовато ответил Матвей. - Обознался, когда увидал. Какая-то полоумная старуха с дуру из леса забрела.

-Все-таки, - допытывался я, - из ДСУ она вернулась именно к вам?

-Не звал я ее.

-А почему от вас уехала, как вы считаете?

-Спроси ее. Она уже всё, с приветом. Пойди, угадай, что ей в голову вступит. Еще этот мужик ее обработал.

-Какой мужик?

-А я знаю? Сюда за ней приезжал. Тоже вот, как вы, не спросясь, нагрянул.

Мы с Марьяной переглянулись.

-Так это он ее увез?

-Ну.

-И адреса не оставил?

-На кой он мне? Я и не спрашивал.

-Как же так, Матвей, - с упреком сказала Марьяна. – А вдруг с ней что-то случится? Заболеет, например. Вы даже не сможете ей помочь.

-И ляк бы с ней.

-Все-таки Мария Кузьминична вам не чужая. Насколько я понимаю, она вас родила.

-И чего? Ну, родила. Дело какое. Вон Степка вываливает, как автомат.

-Неужели вам безразлично, где она, что с ней? А вдруг она нуждается в вашей помощи?

-Учить меня прискакала? – Матвей злобно на нее зыркнул. - Этого добра без тебя хватает.

-Но согласитесь, - сказал я как можно учтивее. – Незнакомый человек. Среди бела дня. Ни с того, ни с сего взял и увез. Все это действительно кажется странным.

-Ага, по-тихому. Так и было. Думаю, он ее из ДСУ дернул. Припугнул чем-то. Мать от страха всю перекособочило. А потом нашел ей другую берлогу, и сбросил.

-И ни весточки, ни звонка?

-С концами. Если сама не завоюет, ни в жизнь не сыскать. Спрятал, небось.

-А этот, как вы говорите, мужик. Он как-нибудь представился?

-Иван Степаныч. Или Степан Иваныч, не помню. Врал, как сивый мерин.

-А как выглядел, не запомнили?

-Невзрачный такой. Спокойный. Годков под шестьдесят, а то и поболее. На «волге» за ней примчался. Молчун, слова не вытянешь. Все больше с матерью шептался.

-О чем?

-Ну, ты, парень, прямо следователь, - раздраженно сказал Матвей. - Не мое дело. Я же говорю, она мне по фигуре. Я ей вообще никто, она меня пацаном бросила, сто лет не вспоминала. Свалилась, как снег на голову. Нюрка моя из-за нее чуть живьем не съела.

«Сейчас» - беззвучно, одними губами сказала Марьяна, встретившись со мной взглядом.

-Простите, еще раз хочу уточнить, - настаивал я. - Из ДСУ она вернулась одна? Или ее и оттуда кто-то на «волге» привез?

-Сама. Я думал, давно померла. А оказалось – живая.

-И дальнейшая ее судьба вас не волнует.

-Не-а.

-А вам не любопытно узнать, кто этот человек? Откуда? Почему такая срочность? Зачем ему вообще понадобилось Марию Кузьминичну увозить и куда-то прятать?

-Может, и хотел бы, - размяв плечи, угрюмо сказал Матвей. – Но так справнее. Меньше знаешь – крепче спишь. Ну, их к шутам, пускай сами разбираются. Вы еще тут – воду мутить.

Я почувствовал, что мы топчемся на одном месте. Ничего нового от него не узнаем.

-Пожалуйста, не сердитесь, - сказала Марьяна. – Вы нам очень помогли. По крайней мере, хоть что-то прояснилось. Спасибо вам большое.

-Я и не сержусь. С чего ты взяла?

-Мне нравится, как вы работаете. Наблюдать за вами одно удовольствие. У вас уникальный талант.

Матвей перекатил смешком.

-Хватанула. Талант. Балабонить ты мастерица.

-Я совершенно искренне.

-Да знаю, какая ты искренняя, - недовольно сказал он, прихлопнув на запястье муху. Помолчав, добавил: - А этот мужик тертый. Глаза – буравчики. Как у прокурора. Он нам сто долларов отвалил, одной бумажкой.

-Интересно, за что?

-Чтоб помалкивали, я думаю. А может, и за постой. За хлопоты. Нюрка моя сколько времени старуху терпела. А вы, слушаем, не подкинете?

-За адрес – охотно, - сказал я.

-Чего нет, того нет. А на кой она вам сдалась?

-Я же вам объяснил, дело у нас к Марии Кузьминичне.

-Что дело, я смекнул. Какое вот? Бюрократы вы липовые, сразу видно. Туфту гнали. Нет, серьезно, что такого рухлядь моя натворила, чтобы за ней из Москвы машины гоняли?

-Ваша мама, Матвей, - вздохнув, сказала Марьяна, - ничего не натворила. Мне ее ужасно жалко. Скорее всего, она и сама не понимает, что происходит. Что эти люди от нее хотят.

-Ага, чиста, как ангел. А деньги за что суют?

-За гостеприимство, - напомнил я.

Поглаживая щенка, Марьяна с легкой усмешкой сказала:

-А вот нам со Шнурочком кажется, совсем не за это, - она, видимо, тоже решила, что хватит с нас, пора закругляться. – За возможность понаблюдать. Увидеть художника в момент озарения. Так сказать, непосредственно во время творческого акта. За возможность насладиться его отточенным мастерством.

-Во-во, - хмыкнул Матвей. – За это мастерство мне Степка чуток погодя башку снесет. Еще баба придет, добавит. Слышите? Просыпается, зверина.

Степанида, в самом деле, пошевелилась. Сонно дрыгнула клейменной ляжкой. По коже, вдоль всего ее крупного мяклого тела, пробежала летучая дрожь.

Матвей сделал последний штрих, отложил иглу и потянулся, разминая затекшую спину.

-Малость не рассчитал. Рано она. Ограду не успел доделать.

-А, по-моему, очень удачно, - одобрила Марьяна. – Красиво получилось. Меня бы, например, вполне устроило.

Матвей из бутылки брызнул на тряпку какой-то жидкости, и стал протирать руки.

-То тебя. А Степка такую работу нипочем не примет. Забракует, паразитка.

-Привередливая?

-Вредина первостатейная.

Он поднялся, прихватил лавочку, на которой сидел, и, хмуро оглядев нас, пригласил:

-Айда в дом, что ли? Кваском угощу.

-Спасибо, мы поедем.

-Да ну, я мигом организую. В кои веки заскочили в нашу глушь.

-Нет-нет, - сказал я. – У нас мало времени. И путь неблизок.

-Да вы чего? – насупился он. – Я же вас даже толком не разглядел.

-Извините, в другой раз.

-Ту ёп, - выругался Матвей. – Сбегаете, что ль?

-Не обижайтесь, - сказала Марьяна. – Спасибо за приглашение. Но мы действительно очень спешим.

Матвей опустил лавочку на землю и, не скрывая огорчения, закурил.

-Брезгуете, стало быть.

-Что вы, нет, - улыbnулась ему Марьяна. – Нам у вас очень понравилось. Правда-правда. Степаниде можно позавидовать. Я думаю, теперь у нее от женихов отбоя не будет.

-Да ей один черт, что с клеймом, что без. Она и так проворная. Додельная, шельма, до женихов.

-Кстати, у вас живая очередь? - спросила Марьяна, чувствуя, что мы поступаем нехорошо, отказывая Матвею в общении; она пыталась загладить вину. - Или предварительно нужно записываться?

-Не наглей, - с угрозой покосился на нее Матвей. – Расстроюсь.

-Вы считаете, я шучу? – поглаживая пригретшегося щенка, Марьяна старательно строила ему глазки. – Вот накуплю снотворного, найду подходящий рисунок и залягу к вам на операционный стол. А что вы думаете? Сейчас это супермодно. Везде, во всем мире. Так что, благодаря вам, Матвей, ваша деревня не отстает. Шагает в ногу со временем.

-Распелась, - скупно, одними испачканными щетинистыми скулами, улыbnулся Матвей.

-Не верите?

-Давай, если так. Для тебя расстарюсь.

-Или – я вас не вдохновляю?

-Нормальный клиент.

Он потупился, засмутился. Глазки его стали масляными. Хитро забегали. Видно было, что теперь, когда отложил инструменты и труд его почти закончен, не грех и пофлиртовать с привлекательной женщиной. *А после работы лучше всего любить любимую.*

-Всякий уважающий себя художник, - продолжала Марьяна кокетничать с ним, - непременно должен влюбиться в свою модель. Хотя бы, как вы в свою Степаниду. Иначе получится не произведение искусства, а, извините, черт знает что.

Матвей мельком, но достаточно многозначительно, взглянул на меня, и сказал, расчесывая поясницу:

-У тебя вон хахаль на стреме. А задницы все одинаковые.

-Да что вы? - в голос рассмеялась Марьяна. – Ни за что не поверю. Неужели вам все равно, что я, что Степанида?

-У нее характер покруче.

-Матвей, вы меня убиваете. Мне казалось, я женщина привлекательная. Может быть, даже хорошенькая. Во всяком случае, Степаниде в красоте и изяществе не уступаю.

-Это опосля хорошенькая. А пока колю, голова не тем занята.

-На уме исключительно художество? И ничего такого? Никаких соблазнов?

-Вроде того.

-Ладно. Успокоили. Теперь не страшно приехать и без прожатого.

-Свиристелка, - таял довольный Матвей. – Ты со мной забавляешься. Я для тебя все равно, что Шнурок.

-Готовлю себя к испытаниям, - сказала Марьяна. - Учтите, Матвей. В Москве вам такую сумасшедшую рекламу сделаю, что от девушек отбоя не будет.

-Полно врать-то, - сказал Матвей, взглянув на нее, наконец, без стеснения, осмелев, жадными мужскими глазами. – Может, все же кваску?

-Спасибо, нам, в самом деле, пора, - Марьяна бережно, с рук на руки, передала ему щенка. – Дорога дальняя.

-Да, Матвей. Наше почтение.

Шнурок заупрямился, заскулил - ему, по-видимому, не нравились руки хозяина, пахнувшие химией.

-Цыц, - прикрикнул не него Матвей, и плотнее стиснул.

Малыш грустно, жалобно, как-то потерянно уставился на меня, словно умоляя не уезжать. Я окунул руку в его теплую мягкую шерсть, потеревил за ушками, заглянул в глазки-бусинки.

-До свиданья, - сказала Марьяна. – Рады были познакомиться. Спасибо за беседу и все остальное. У вас прелестные четвероногие.

-Что ж, бывайте, - Матвей переместил щенка, переложил его под левую подмышку. – Жалко, мало поговорили. Заезжайте как-нибудь.

-Непременно. У вас красивые места.

-Более-менее. Пока вроде не изуродовали. Привет столице.

-От Степаниды, надеюсь, тоже?

-От нее первым делом. Не встала еще? – он оглянулся. – Кормилица наша. Ишь, дрыхнет. Пойду будить.

-Пожалуйста, осторожнее, - улыбнулась ему на прощанье Марьяна. – А то мы, женщины, знаете, какие? Счастья своего не ценим.

-Это точно, - охотно согласился Матвей. – Возьми, хоть Нюрка моя. Бьешься, бьешься, рогом упираешься, все равно ни шиша не ценит.

-Поклон супруге, - сказал я.

-Ладно, передам.

Из гигиенических соображений мы воздержались от рукопожатий.

Пока шли к калитке, Марьяна несколько раз оборачивалась и приветливо махала ему рукой.

Матвей стоял, не двигаясь, со щенком под мышкой, и смотрел нам вслед.

Собака-мама, лениво высунув голову, на дорожку ритуально гуфнула.

До ворот нас с вквотаньем провожали куры.

-Как думаешь, Ник? - спросила Марьяна, притворив калитку.
- Зачем твой Елисеич мою тетку украл?

-Жениться надумал.

-Перестань, - улыбнулась она. – Я серьезно.

-Вот приедем, прижму негодника. Устрою ему допрос с пристрастием.

-Все равно не сознается.

-Тоже верно, - сказал я. - Тухлое дело, Маш. Чекисты не колются. Даже если это действительно он.

-Все еще сомневаешься?

-А ты – нет?

-По-моему, больше некому.

-Ох, Маш, - с легким осуждением сказал я. - Самоуверенность до добра не доводит... Признаюсь тебе, он, не он, мне уже как-то по барабану. Надеюсь, не собираешься искать свою пропавшую тетку?

-Нет, конечно, - сказала Марьяна. - Вряд ли она вообще что-нибудь помнит. Ну, найду я. И что? Даже не знаю, о чем ее спрашивать.

-Вот и оставь. Дай ей пожить спокойно.

Я положил руку ей на плечо, она обняла меня за талию.

-Бог им судья, - сказал я для пущей важности.

Мы постояли на краю обрыва. Прежде чем сесть в машину, еще раз полюбовались долиной, поймой Малого Киржача, высокими узорчатыми берегами.

-Валютное зрелище, - сказал я. – Казалось бы, река, деревья, заросшие склоны. Рядовой пейзаж, случайно встретившийся по дороге.

-А как возвышает душу, - с чувством подхватила Марьяна.

Так и есть, подумал я. Она права. При виде этой нерукотворной сверкающей впадины все мирское и мелкое куда-то пропадало, сердце млело и таяло, душа переполнялась нежностью, благодарностью, покоем.

-Так бы вот смотрела и смотрела, - сказала Марьяна.

-Ага.

-Спасибо Матвею.

-И Степаниде.

-Да, - она вдруг прильнула ко мне. – И тебе. – Потерлась щекой о мой подбородок, и тихо сказала: - Ну, их всех к черту. Хочу только с тобой.

Я окунул в ее волосы губы.

-Своевременное и очень правильное решение.

Был третий час пополудни.

Покинув прелестную долину, мы оба решили, что самое время сделать паузу, где-нибудь остановиться и перекусить.

Первую половину дня мы прожили на удивление бодро, азартно, в хорошем темпе, всё, что наметили, посетили. Я предложил Марьяне на выбор: вернуться в Слободу и посидеть в провинциальном ресторане, купить на рынке парного мяса и пожарить в лесу на костре, либо просто найти какое-нибудь тихое славное местечко и удовлетвориться холодной копченой курицей с овощами, фруктами и бутербродами, которые мы взяли с собой.

-Лучше вдвоем.

-Без свидетелей? Ласковый ветер и зеленый шум?

-Я и ты.

-В твоё Жуклино не заглянем?

-Нет, в другой раз. Слушай, - она вдруг оживилась. – Что мы гадаем? Вспомнила! Как-то Кленов, когда я была еще девочкой, возил меня на красивое озеро. Не знаю точно, как оно называется, то ли Долгоречье, то ли Долгополье, в общем, как-то так. Оно где-то здесь, поблизости. Вот было бы здорово, если бы смогли его разыскать.

-А что там?

-Ничего. Ни кусточка, ни деревца. Вода и небо. И дали.

-Обольстительные?

-Кто?

-Дали.

-О, да.

-Отлично, - сказал я. – То, что нужно.

Вырулив с пыльного проселка на трассу, я на малой скорости проехал наугад в сторону Владимира несколько километ-

ров, и в деревне Недюревка, у магазина, притормозил. Подумал, меня не убудет, если пофлиртую с местными продавщицами, поинтересуюсь, где тут любимое Марьяной озеро.

Однако, на ступенях, в дверях, меня едва не сбил с ног приземистый, крепкий мужик в телогрейке на голое тело и в галошах на босу ногу. Вышел он из магазина kloкочущим, в ярости, без покупок – как будто жизнь его непоправимо обидела и ему позарез надо на ком-нибудь сорвать зло.

-Зинуха, падла, - мрачно сказал он. – Опять у нее драный учет, - и сунул для пожатия руку. – Здорово.

-Привет.

-Папироской не разживусь?

Я с удовольствием его угостил.

-Чего хотел-то? – он с неприязнью повертел в толстых пальцах заморскую сигарету, помял, понюхал.

-Да вот. Узнать. Озеро ищу.

-Окупнуться, что ль?

-Ага.

-Дело хорошее.

-Посоветуйте, где это удобнее сделать?

-Да где хошь. Чего-чего, а этого до гребаной матери. В Володине, в Любках, в Слободе две штуки, в Андрюхине.

-Озерный край?

-Ну.

-А Долгоречье, не подскажете, где?

-Это подале будет. Верст двадцать с гаком. Рыбацкое. Дно там херовое, никто не купается. Вот горка, видишь? За ней еще одна, там и сворачивай. Вроде указатель был, сейчас не знаю. Да тут не заблудишься.

В обмен на ценную информацию я предложил ему более чем скромную взятку – начатую пачку сигарет.

-На черный день, - сказал. - Пока у Зинаиды учет.

-Башка трещит.

-Временно.

-Много ты понимаешь.

-Есть опыт, - подмигнул я ему.

Глаза его потеплели. Он взглянул на меня дружелюбнее, с пониманием, как на существо одного с ним рода и племени. Поразмыслив, пачку брать не стал, вытолкнул пару сигарет, одну заложил за ухо, как карандаш, вторую бережно опустил в карман телогрейки.

-А то смотри, - предложил. – Оставайся. К вечерку подлечусь, на рыбалку сгоняем. Белого карася, я не я буду, по ведру возьмем.

-Нет-нет. Нам пора.

-А, - он снова посмурнел; так же вяло сунул на прощанье руку. – Ну, бывай, коли так.

-Удачи вам. И чтоб Зинаида не обижала.

-Допрыгается, - мстительно сказал он.

Известие, что мы на верном пути, Марьяну воодушевило – расстояние в двадцать верст ее ничуть не смущало, суший пустык по сравнению с той радостью, которую она заранее предвкушала. Я поручил ей ответственное задание – считать горки. Вскоре она заметила покосившийся столб, мы подъехали, и на ржавом куске жести прочли уцелевшие буквы «р», «е» и «ч». Похоже на Долгоречье. Правда, куда сворачивать, неизвестно. Стрелка указателя осыпалась, понять налево или направо, при всем желании невозможно.

Развилка, таинственное перекрестье дорог. Вечный наш выбор и вечная проблема.

Увы, мужик у магазина не сказал, а я упустил спросить – мне и в голову не могло придти, что знак есть, а стрелки на нем нет.

-Ой, да какая разница, - легко решила эту проблему Марьяна. – Прокатимся. Нам ведь к черту на рога? А черт всегда слева. Значит, туда.

Наудачу выбранная нами дорога оказалась неожиданно сносной. Правда, абсолютно слепая – дорожные указатели считались здесь излишеством, вредным расточительством – затерянная, проложенная в стороне от сел и деревень, вероятно, никому не нужная и поэтому совершенно пустая. Если бы не за-

платки, шершавые бугристые пятна, вынуждавшие сбрасывать скорость, покрытие даже по столичным меркам весьма достойного качества.

На всем протяжении, вплоть до деревни Долгоречье – а это шестнадцать километров – мы не встретили (и не обогнали) ни единой машины, ни пешехода, ни пары гнедых, запряженных зарею, ни захудалого пыхтящего тракторишки. Огромные, невиданных размеров вороны, тучные и неповоротливые, как индюки, солидно прогуливались по обочинам, лениво взмахивали крыльями, провожая нас раздраженным карканьем, словно мы вторглись в личные их владения.

Ехали мы по гребням холмов, среди раздолья, целины, присвоенных, но не освоенных земель, пышного разнотравья, все время прямо, изредка опускаясь и поднимаясь. С высокого места взгляду открывались дали. Бесчисленные перелески взбирались по склонам, ныряли в овраги, лощины, распадки, и разбегались. Иногда близко подступали к дороге сбившиеся в небольшие семейки дубравы, ельники, осинники, симпатичные светлые березнячки. У горизонта узкой полоской темнел густой настоящий лес.

Марьяна сидела, задумавшись, со спокойным серьезным лицом, глядя прямо перед собой.

Точеный профиль, чувственные губы, черные, хранящие тайну глаза. Когда она не притворяется, не играет, так и тянет ее обнять.

Меня искренне порадовало, что она не упорствует. Слушает и слышит другого. Податлива, остывает. Что медленно, но верно мы выздоравливаем. Это уже достижение, когда бесспорная, но общая и потому далекая правда – *не судите, да не судимы будете* – вдруг становится лично твоей. По прошествии стольких лет бессмысленно искать виноватых – все равно, что кошку в темной комнате, когда ее там нет.

-О чем смутные думы, мадам? – спросил я.

Она вздрогнула. Очнулась, поерзала в кресле.

-А почему ты зовешь своего Елисеича, как собачку? Только по отчеству? Имя есть у него?

-Опять? – упрекнул я ее. – Мы же договорились.

-Да ладно тебе, - отмахнулась она. – Я просто так. Есть?

-Есть. Адольф.

Марьяна прыснула, прижав пальцы к губам.

-Немец?

-Татарин. Причем, чистокровный.

-Не ври, - серебристо рассмеялась она. – Таких не бывает.

-Еще как бывает. *Поскреби любого русского, вылезет татарин.* А татары поголовно все чистокровные.

-Сам ты поголовно... Нет, правда, стесняется, что ли? Почему скрывает?

-Я тоже эту молчанку не одобряю. Ну, мамочка с папочкой когда-то погорячились. Теперь-то что? Сын за отца не отвечает... А все потому, моя дорогая, что чекисты люди со странностями. Особой закваски.

-Знаю. Скажешь правду, и ты уже не чекист. У них принцип такой – жить по лжи.

-Сплюнь, бесстрашная ты моя. Повезло, что, кроме ворон, тебя никто не слышал. Я бы выразился помягче, поосторожнее. Суть их профессии - искусство дезинформации.

-Ой, только про искусство не надо, ладно?.. И не пытайся меня убедить, что твой подпольный татарин слишком сложно устроен.

-Проще пареной репы. Просто закрыт. Больше молчит. Охотнее слушает, чем разговаривает. Поэтому кажется значительнее, вот и все. Мне жаль, что ты его недолюбливаешь. Он практик. В чем-то педант. Раб долга. Что на самом деле не так уж плохо. Мы с ним – как у Христа за пазухой. Ответственность, верность – избирательно, для своих. Мать – вот весь его ближний круг. Что, кстати, очень удобно. Хотя я случайно в нем оказался. Меня пристегнули, как хлястик... Связь с Оксаной Петровной стальная. Мы с тобой уже говорили об этом. На чем основана, я не знаю. Где начало, откуда эта привязанность родом, честно скажу, не интересовался.

-А я знаю, - сказала Марьяна. - В объятья друг другу их бросило преступление.

Я осуждающе на нее покосился.

-Перестань, Маш. Ну, чего ты, ей Богу?.. Вот вбила себе в голову... Криминал –zybучие пески. Почва шаткая, отношения быстро ржавеют, портятся, приходят в негодность... Обязательства Сеича основательнее, выше.

-Может быть, все же странная какая-то любовь?

Я отрицательно покачал головой.

-Ни единого нежного взгляда, ни вздоха, ни тайного пожатия рук.

-Тогда что же это такое?

-Загадка... Помню, однажды спросил, просто так, от скуки. А скажи-ка, друг любезный, нравилось тебе что-то в твоей темной сыскной жизни? Было в ней что-нибудь, безусловно, хорошее? Ну, чем ты, может быть, восхищался, что запомнил на всю жизнь?

-И что старый хрыч? Неужели разоткровенничался?

-Представь себе. Крякнул, прокашлялся, и говорит: **лиловые поля**... Вот, говорит, по весне крутой бок холма распахали, сняли зеленый слой, пласты перекувырнули и отбороновали. Земля добрая, жирная, ей самое время рожать. И вечером, когда солнце садится, на косое поле натекает тень. Не сразу, а помаленьку. Как постепенно смеркается, так же неприметно для глаза поле набухает, меняет окраску, делается сначала как молодая сочная сирень, а потом цвет все гуще, все ядренее. Свет тихо меркнет, а лиловый цвет зреет и крепнет. Из оврага тянет влагой, воздух с сырцой, шевелится, подрагивает, мошкара в последних лучах развлекается. Прохлада опускается в травы, зеленая кайма вокруг поля будто омытая. Видел когда-нибудь? Нет? Ну, значит, ты ни черта не видел.

-Лубянский валенок, - заметила с ехидцей Марьяна, - а тебя послушать – поэт... Если, конечно, ты сам за него все не придумал.

-С тех пор зарекся, - сказал я, пытаюсь хоть немного поднять Сеича в ее глазах. - Кажется, пустой человек перед тобой, ничтожный. Такой подлиза, что пробы ставить негде. А с оценками остерегаюсь. Вдруг он тоже носит в бумажнике свои лиловые поля?

-Определенно носит, - пожала она плечами. – Что не мешает ему быть сволочью. Видишь? – ткнула пальцем в стекло. – Я была права.

Я взглянул, и тоже увидел вдаль, чуть справа от нас блюдце озера.

-Как ты угадала?

-Секрет.

Дорога нырнула вниз, и на минуту озеро скрылось. Мы миновали ложбинку, и на подъеме, сквозь решетчатый строй деревьев вновь замерцала голубизна. Лес кончился, и - брызнула синь.

-Класс, - по-детски сказала Марьяна, очевидно, подражая своей дочери Лизе.

Мы проехали под уклон еще метров пятьсот, и остановились.

-Так, - проворчал я, не понимая, куда ехать. – И что дальше?

Дорога внезапно кончилась. Заасфальтированная ее часть без предупреждения обрывалась. Сразу за табличкой, на которой мелом, от руки, было написано «Долгоречье», начиналась полоса неудобий, сельских грунтовок, изрытых и изъезженных тракторами. Озеро было рядом, рукой подать, но как к нему подойти – вопрос.

-Там, - показала Марьяна.

По опыту бывшего деревенского жителя, еще не забывшая, как ездить по бездорожью, она утверждала, что правильнее держаться рощицы и пробираться вдоль опушки – выйдет подалее, в огиб, но зато безопаснее, нет риска, что мы в какой-нибудь уютной канаве сядем.

-Минутку, - попросил я. - Дай сообразить.

Я даже не съезжал на обочину.

-Непривычно. Пусто.

Впереди, чуть левее и вверх, на раздавшемся вширь низкорослом холме виднелась деревня Долгоречье. Сонная, безлюдная. Издали – как нарисованная. Жалкие сухонькие домишки беспорядочно облепили отлогий склон, напоминая вялых, разомлевших от жары крылатых насекомых, усевшихся на гигантский круп какого-то животного.

Вокруг ни души. Тишина, обволакивающий покой. Хрустальный зной, шелест листвы. Казалось, вот он, край света. Граница цивилизации. Иной, древний, покинутый, неведомый мир.

Осмотревшись, я понял, что штурман прав, и съехал в кювет.

Дружок мой «гольф» поднапрягся. С непривычки фырчал, ворчал, натужно подревывал.

Нам повезло, что стояла сушь, в дождливую погоду и думать нечего тут проехать, мы бы и пяти метров не одолели.

Хрумкала под колесами пересохшая глина. Отвесные горки накатывали одна за другой, озеро временами исчезало из виду. Сходу, на скорости проскочили топкое место, сырую скользкую луговину, и дальше, уже посуху, по твердой набитой колее въехали на середину высокого берега.

-Асс, - похвалила меня Марьяна. – Я бы ни за что не смогла. Умерла бы от страха.

Не успел я заглушить двигатель, как она в спешке, наотмашь отворив дверцу, выпорхнула из машины. Пробежала в нетерпении несколько шагов. И встала. Замерла, впившись глазами в открывавшиеся отсюда просторы.

Стройная, неожиданная. Очарованная. Одну руку уперла в бок, вторую козырьком приставила ко лбу.

Я тоже вышел, но как бы в упрек ей, с ленцой. Постоял, не мешая, в стороне, чуть поодаль.

Голь, без единого деревца склон, поросший жесткой обожженной травой. Слепящая синева неожиданно крупного озера (метров триста в длину и сто в ширину). На все четыре стороны – дали, зеленые узоры, балки, лощины, наползающие друг на друга холмы, купол неба, россыпь застывших барашковых облаков. Деревни не слышно и не видно отсюда, ее скрывала округлая шапка, овершье остролобого берега. Ни единого человечка окрест. Лишь в небе, высоко над нами, кружил одинокий сокол, и еще в низине, метрах в двухстах от нас, где трава сочнее и выше, столь же одиноко паслась коза на привязи.

Место действительно запоминающееся.

Марьяна стояла ко мне спиной, вытянувшись, словно приподнявшись на цыпочки, вся устремленная ввысь и вдаль, и я

не без грусти отметил, что с этим пейзажем она мне изменяет. Я отсутствую. Рядом с ней меня нет. Ей никто не нужен, кроме окрестностей. Кроме собственной поглощенности, отрешенности. Кроме радости вглядывания, вчитывания, кроме сладких возвышенных чувств, которые она при этом испытывает.

Я восхищался. По-хорошему завидовал ей.

С первых наших пеших прогулок я заметил за ней эту особенность. Она удивительно чувствует свет. Его подвижность, непостоянство, изменчивость. Оттенки цвета. Сопряжение форм, противоборство и сочетание линий. Я толстокожий по сравнению с нею. Так чувствовать, очевидно, мне не дано. У нее врожденная восприимчивость. Будь то творения человека, искусство Всевышнего или стихийная игра природных сил. Не только с восьмериками и четвериками, но и с небом и озером она разговаривает на равных. Для нее тишина полна звуков, голосов, таинственных сообщений. Она открыта. Легко и смиренно поддается колдовскому воздействию.

Меня обделили. Я жалкий глухой слепец. Научиться этому, перенять – невозможно.

Выкурив сигарету, я решил прогуляться к озеру. Распахнул все четыре дверцы, чтобы салон протягивало ветерком, достал из багажника полотенце, снял рубашку.

-Я с тобой, - сказала Марьяна, увидев, что я направляюсь вниз.

Вдоль берега стеной рос камыш, на подступах его охраняла высокая острая осока. Мелкий мусор, оставленный рыбаками, подсказывал, что где-то есть удобный подход к воде, но я долго путался и плутал, пока не услышал, как Марьяна крикнула издали:

-Иди сюда! Я нашла! Здесь камушки!

Она разулась, подвернула брюки, и стояла, ожидая меня, в разножку на двух валунах.

-Вязко?

-Жуть. А водичка – шелк.

Я сбросил с ног плетеные кожаные босоножки и, как и она, закатал повыше джинсы.

-По дну не ходи, - предупредила она.

Я протянул руку. Она ловко перепрыгнула с камня на берег.

-Мерси, - сказала. Обняла меня, на мгновение прижалась. И ускользнула. – Дерзай.

Осторожно, стараясь не мутить воду, я прошел на ее место. Горстью зачерпнул воды. Обмыл лицо, шею, спину, смочил волосы.

Марьяна бросила мне полотенце.

-Пожалуйста, окуни и выжми. И не смотри.

Стянула через голову майку, сняла лифчик. Повернулась ко мне спиной.

-Фу. Вся липкая.

Я накинул ей на плечи полотенце.

-Иди, - показала рукой. – Я справлюсь.

Мы, не спеша, направились в гору, к машине. Отстав на полшага, она на ходу протирала мокрым полотенцем лицо, плечи, живот.

-Ник. Ты вообще понимаешь, что происходит?.. Как могло случиться, что мы здесь совершенно одни?

-А коза?

-Коза не считается, - хохотнула она. – Парнокопытных в расчет не берем.

В сторону озера от машины падала короткая бледная тень.

Сдернув с заднего сиденья чехол, я расстелил его на траве поближе к капоту, чтобы на импровизированный стол проникло меньше солнца.

Марьяна, переодевшись, переместила сумки из багажника в салон, достала курицу, бутерброды, перепревшие подвяленные овощи, фрукты, термос с кофе. Разложила салфетки, одноразовые бумажные тарелки, пластмассовые вилки и ножи.

Предусмотрительная, отметил я про себя. Аккуратная. В доме будет отменный порядок.

Я помог ей со стаканами, минеральной водой, обрезал реди-ске хвостики, почистил зеленый лук. Когда, на ее придирчивый взгляд, все было готово, достал из бардачка фляжку с водкой.

-Не возражаешь, если по граммулечке примем?

-О, да, мы заслужили. Не откажусь.

Марьяна надела свежую розовую майку со стоячим воротником, свободную, навывпуск, не стеснявшую грудь; приглушенный розовый цвет очень ей шел, и она наверняка знала об этом. Перед автомобильным зеркальцем причесалась, подкрасила губы. Неудобств она не испытывала. Мне нравилось, что городская жизнь ее не испортила, что к трапезе на траве она относится спокойно, как к чему-то само собой разумеющемуся, ведет себя совершенно естественно.

Я тоже переменял рубашку.

-Чуть-чуть, - сказала, подставляя стакан. – Вот столечко. На глоток.

-Умница. Будем дружно соблюдать меру. Тем более, я за рулем.

-За что выпьем?

Я сел, скрестив ноги.

-За нас. Извини, больше ничего в голову не приходит.

-Берегись, – она опустила на колени. – Я могу улететь.

-Летай на здоровье.

-Нельзя, - в глазах ее плескался смех. – Пожалуйста, последи, чтобы ничего такого со мной не случилось.

-Твой личный охранник на страже и начеку.

-То-то же, - она прислонила свой стаканчик к моему, и мы скрепили договор невинным прикосновением губ. – Ешь, давай. Я бездельничала, а ты всю дорогу вкалывал.

С хрустом разломил курицу. Тонкими дольками настрогала огурец, разрежала пополам помидор, приплюсовала редиску, лучок, и все это ссыпала мне на тарелку.

-Не жалеешь, что затащила в эту глушь?

-Жалею, что не сделала этого раньше.

-Странно, - оживленно заговорила она, с аппетитом уплетая курицу. – Я была совсем маленькой девочкой, когда Кленов меня сюда привез. Столько лет прошло, а почему-то все помню. Или почти все... Тогда здесь тоже никто не купался. Плавали надувные лодки. В них сидели какие-то незнакомые сгорбленные дядьки. Они были похожи на тех громадных ворон, которых мы видели на дороге.

-Прости, пожалуйста, - прервал я ее. – Не вовремя налитая вторая – напрасно выпитая первая.

Она подставила стаканчик.

-За это все, - обвела вокруг пальчиком. – Как ты говоришь... за обольстительную даль.

-Давай. И за неведомую тоже.

Она выпила, смешно сморщилась. Согнала с губ, помахивая ладонью, невкусный водочный дух.

И, кромсая курицу, продолжила свой рассказ.

-Кленов удил рыбу. Только не с лодки, а с берега, вон там, как раз на том месте, где камни. Здесь еще, пониже, стояли машины, три легковые и одна грузовая. И еще мотоцикл. Наверное, был выходной день... Из детей никого, только я. Как всегда, одна. В сугубо мужской компании... Помню, дразнила лягушек. В ведре у Кленова плавали рыбы, я их доставала и подолгу рассматривала. Бродила в камышах по колено в тине. Наблюдала, как насаживают на крючок червя, забрасывают удочку... Ты знаешь, удивительное ощущение. Как будто с тех пор во мне ничего не изменилось. И здесь без меня ничего не происходило... Я выросла, наделала массу глупостей, а чувство, будто такая же, как была тогда... И вокруг все такое же... Те же смиренные облака, то же солнце, просторы, дали, та же тишина.

Она вынула из стопки два свежих стаканчика, налила в них еще не остывший кофе. Протянула мне бутерброд с редиской и сыром.

-Ты был во Франции?.. А в Италии? В Штатах?.. И я. Полмира объехала. Столько красивых мест... Недавно влюбилась в Хорватию... Но когда попадаю во что-то свое, со мной творится невероятное. Мурашки бегут. Меня колотит. Передать тебе не могу... Нет, я понимаю. Париж, Амстердам, Монмартр, площадь Святого Марка – изумительно, великолепно. Но все-таки по-настоящему глубоко меня волнует вот это. То, что вижу сейчас.

-Речь истинной патриотки.

-И пусть. Я не стыжусь того, что люблю.

-Да, Маш, - сказал я. – Земля нам досталась великолепная. Изумительная. А мы... Как Степаниды.

-Хочешь сказать, недостойны?

-Конечно... Помнишь, я говорил тебе, что думает по этому поводу Ронни?

-Пес?

-Умница наш.

-Ты с ним согласен?

-Полностью... Хозяин нас прогоняет. Это только кажется, что мы спиваемся, вырождаемся, вымираем, потому что прихоть у нас такая и придурь. На самом деле, нас выпроваживают. Идите, ребята, идите. Так нельзя себя вести. Вы, мои дорогие, не справились.

Она помолчала, не зная, спорить ей с Ронни или соглашаться. Спросила:

-Еще съешь что-нибудь?

-Нет, спасибо.

-Яблоко?

-Сыт.

-Тогда уношу, хорошо? – она поднялась. – У нас есть, чем руки сполоснуть?

-В багажнике. Канистра, белая. Сейчас принесу.

Я помог Марьяне убрать со стола. Стряхнул чехол и набросил его на сиденье.

Вновь меня удивили ее бережливость и чистоплотность, – с какой тщательностью она смахивала крошки, упаковывала оставшиеся овощи и бутерброды, складывала использованные тарелки, салфетки и прочий сор в пакет для мусора, чтобы потом по дороге выбросить в бак. Образцовая, ответственная домохозяйка. Она даже не забыла взять с собой из Москвы флакон жидкого мыла, которое пришлось как нельзя кстати – по очереди сливая из канистры друг другу, мы завершили обеденный ритуал ритуальным омовением рук.

Я достал из сумки ветровку, скатал ее, скомкал, подложил под голову, и улелся на траве. С наслаждением закурил.

-Услада, - сказал. - Истома... Теперь бы вздремнуть для полного счастья.

Закончив хлопотать по хозяйству, Марьяна присела возле меня.

-Истомленному водителю не помешаю?

Развернулась и улеглась поперек, опустив голову мне на грудь. Помолчав, сказала:

-Надеюсь, не забыл, что перед тобой неприступная крепость?

-Может, и забыл бы. Но ты постоянно напоминаешь.

-Мужественно сопротивляешься?

-Какой там мужественно? Из последних сил.

Она подтянула к губам мою руку, поцеловала в ладонь, и подстелила себе под щеку.

-Верной дорогой идете, товарищи.

-Хренушки, - я пошевелил игривый завиток на ее виске. – Как подсказывает интуиция, рано или поздно мы с этой дороги свернем.

-Лукавее твоей интуиции на свете ничего нет.

-Пусть так, - сказал я. - Зато есть сильное подозрение, что ты меня соблазняешь.

-Я? – она аж задохнулась от негодования. – Выдумщик. Каналья. Пустомеля... Это ты меня искушаешь. Прохода не дашь.

-И не дам.

Она вынула у меня изо рта сигарету, затаилась, и вернула на место.

-А правда, Ник... Я иногда думаю, что с нами будет?

-С нами, Марусечка, будет все замечательно. *Плохой конец заранее отброшен, он должен, должен, должен быть хорошим.*

-Что-то не верится.

-Взгляни на эту даль. Она не лукавит. Она согласна, - я осторожно, легким движением поправил ей складку на воротнике. – Правда, в данную минуту будущее меня не волнует.

-А что же тебя волнует?

-Чресла, ланиты, перси.

-О, Господи, - вздохнула она. – Ты когда-нибудь повзрослешь?

-Не обещаю. Надеюсь, что нет. Видишь ли... с некоторых пор в атмосфере чистогана стало нечем дышать. Отныне мне места там нет. Больше тебе скажу. Чувство невосполнимой утраты преследует меня по пятам. Слышу вещей голос: хватит, приятель, блудить, пора возвращаться.

-Куда?

-В колыбель. В начало. К истокам.

-К Оксане Петровне?

Смешная наивность. Я ей слегка попенял:

-Маш. Остроумный человек однажды сказал: *только не поймите меня правильно.*

Она надула губки. Помолчала, разглядывая похожее на медузу облако, с любопытством взиравшее на нас сверху.

-Не делай из меня, пожалуйста, дуру.

Ее шея, волосы, груди, рука, расслабленно поглаживающая травку, постыдным образом меня волновали. Тела наши, согретье солнцем, соприкасались, готовые высечь искру. Сердце ухало, млело, взывало.

Девочка моя... Она была так близка, трогательна, мила, желанна.

Тем не менее, я не предпринимал никаких попыток обнять ее, приласкать. Намеренно принуждал себя этого не делать. И вовсе не потому, что боялся встретить отказ. Или не знал, что за этим последует. Я знал, стоит чуть-чуть отпустить себя, и неприступная крепость немедленно рухнет. Достаточно красноречивого жеста, полунамека. Всего лишь обозначить инициативу. И пожар неизбежен. Она, как и я, больше всего на свете хотела, чтобы тела наши перестали, наконец, пребывать в заточении, изнывать взаперти, в душной искусственной клетке, и заговорили.

Но... не сейчас. Она не готова. Ранена. Я рискую ее потерять.

Она переполнена страхами. Самый вредоносный из которых – дикий, выдуманный, ни на чем не основанный, но прочно засевший в ней – страх возлюбить брата своего.

А с этим, насколько я понимаю, не шутят.

История мало приятная. Никто не подскажет, что делать.

На ощупь, вслепую, - я так не умею. Как унять нетерпение, зуд, пыл? Как стреножить себя, обуздать?

И ждать.

Не знаю, по силам ли ноша. Верно ли чувствую, правильно ли оценил.

Как бы там ни было, я на себя это взвалил. Поздно пятиться. Выбор сделан. Я дал себе зарок. Пока не выбью мистическую дурь из ее прелестной головки, не позволю себе телесных контактов. В конце концов, воздержание не такая уж вредная вещь. Говорят, попоститься время от времени даже полезно. Очищает душу от шлаков. Закаляет. Тренирует ответственность, силу воли.

Маруся перекадилась и, выставив локти, легла рядом со мной на живот. Сорвала жесткую травинку, помяла ее между пальцев и сунула в рот. На меня не смотрела, разглядывала песчинки в траве. Нижние ее окологлазья набрякли и опустились - похоже, загрузила моя ненаглядная. Потускнела от тяжелых непрошенных дум.

-Угадай, - сказала, - о чем я думала, пока стояла у воды?

-Естественно, о Елисеиче. О ком же еще.

-Сдался он мне.

-Тогда, значит, о том, какой у тебя непутевый водитель.

Она покачала головой.

-Совсем нет.

-Ну, тогда, - завел я глаза к небу, - о нечаянной радости. О приобретении... Спасибо тебе, милое озеро. Я нашла то, что искала. О чем мечтала всю жизнь. Наконец-то, и мне, сиротинушке, выпал счастливый жребий.

-Как же, - сказала она, сдув челку со лба. - Настолько счастливый, что сделал меня несчастной.

-У, Мань, - загудел я. - Сама говорила про демона. Черта с рогами. Не чувствуешь, как он тобой помыкает?

-Еще как чувствую, - вздохнула она. - Но он – мой. Он тоже я. И он говорит: час пробил, дорогая моя. Сделай то, что тебе хочется сделать, а потом... в волны, и всё.

-Что значит – всё?

-Буль-буль.

Я взял ее руку, осторожно погладил и положил на свою горячую грудь.

-Обалдела?

Она нервно прикусила нижнюю губу. Издала дробный смешок.

-Не связывался бы ты со мной, - подняла глаза, скользнула по мне опустелым взглядом, и снова их опустила. - Я девушка суицидная... чтоб ты знал. Мое успокоение – в пучине.

Я нежно, бережно, как маленькую плаксу, погладил ее по волосам. Обнял за шею и привлек к себе.

Она развернулась и вновь легла лицом вверх, опустив голову мне на грудь.

-Фантазерка, - сказал я.

Какое-то время мы оба пребывали в молчании, вглядываясь в равнодушное бездонное небо. Она - потому, что сказала главное, может быть, в данный момент самое для нее тягостное и стыдное, призналась мне в том, что ее больше всего тревожит. А я - потому, что не знал, что ей ответить, не мог найти нужных слов, хотя понимал, что молчать мне сейчас нельзя. Как раз сейчас-то и надо бы поговорить. Приласкать ее. Если понадобится, отстегать, отругать. Успокоить.

Завиток от ее волос я заправил ей за ушко. Провел рукой от плеча к локтю и обратно. Сказал:

-Знаешь, что, Маш... Он лгун, этот твой приятель с рогами как у оленя. Обманщик, подлый враль, - нащупал ее жаркую кисть и пожал. - Если хочешь знать правду, твоя пучина – я.

Спина и плечи ее напряглись. Но она ничего не сказала.

-Гнать таких советчиков в шею.

Марьяна пошевелилась. Поерзала. Взяла мою руку и положила под майку на свой голый живот.

-Давай будем гнать, - сказала чуть слышно.

Я привстал, изогнулся, и осторожно, нежно поцеловал ее в шею.

-Вместе с тобой, Мань, мы – сила. Как-нибудь с твоим самозванцем сладим. Скрутим его, приедем и выбросим на помойку. Ишь, вздумал славную девочку обижать.

-Да, - сказала она, одобрительно похлопав меня по колену.

-Еще детей нарожаем кучу.

Она булькнула.

-Кучу-то зачем?

-Не хочешь – не надо, - сказал я, радуясь, что она приняла мой игривый тон. - Обойдемся. Лиза у нас с тобой уже есть. Как говорит твоя подруга Женька, в жизни бывают зачатия духовные.

-Тебя устроит и такой вариант?

-Потеря, конечно, огромная, Маш... Таких олухов больше нет... Тем не менее, я согласен на медаль.

-Медаль-то за что?

-Как за что? За муки. За воздержание. Представляешь, я на полу, а ты, как царица, в супружеской постели одна. согласишься, не каждый это выдержит.

-Не каждый, - сквозь легкий хохоток проговорила она. – И долго ты собираешься спать на полу?

-Как жизнь повернется, - сказал я. – Заодно буду учиться ждать. Тоже искусство. Ты же знаешь, ждать мы не умеем. Лев Николаевич очень любил эту французскую поговорку: *Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать*. Пусть и для нас все придет вовремя.

Она лежала неподвижно, навзничь, поигрывала моей рукой, и, хотя изредка отвечала, в основном, внимательно слушала. Кажется, я был на верном пути. Мои прозрачные намеки, туманные перспективы нашей будущей семейной жизни занимали ее сейчас ничуть не меньше, чем собственные комплексы и изломы. Она вбирала каждое слово, пытаясь понять, что за всем этим стоит. Насколько я шутилив, насколько искренен. Не выдумываю ли, не притворяюсь.

Я же свою задачу понимал так: успокоить, отвлечь от печальных мыслей. То есть, цель моя была достаточно скромная. Не так важно, что говорить, важно не останавливаться. Тереть. Делать утопленнице искусственное дыхание.

Вокруг выются стервятники, спесивые бесенята. На уме у них только одно – загрызть мою бедную девочку. Может быть, голос мой их спугнет. Молчание уводит ее от меня, крадет, наполняет болью и безысходностью.

А там, кто ж его знает?

Женщины существа никем не узнанные. Уравнение, не имеющее решения.

-Уснула?

-Нет, я слушаю.

-Жених я сейчас состоятельный, Мань. Рантье. Не волнуйся, начать есть на что. Застойный, он же запойный период, надеюсь, кончился... Прежде, в той жизни, еще до тебя, был сонным и дряблым. Не мужик, а размазня какая-то. А сейчас ничего. Подсобрался. Представь себе, до того докатился, что сформулировал новый для себя жизненный принцип: **альтернативный способ существования...** Честно говоря, сам не до конца понимаю, что это такое, но мне нравится. Терпеть не могу ходить строем, в стаде. До сих пор выбор за меня делали другие – деньги, обстоятельства, гордыня, жадность, чревоугодие, зависть. Но только не я сам. Все время мне вежливо предлагают прожить не свою жизнь, а чужую. От роддома до кладбища уже составлено расписание, остается только сесть в трамвай.

Марьяна лежала тихо, не собираясь ни возражать, ни отвечать, ни вообще как-нибудь участвовать в разговоре. Я слышал, как она легко и загадочно дышит.

-Мне кажется, Маш, - продолжал я, - когда-то давным-давно, будучи в стаде, люди ринулись в одну сторону, и по привычке бегут до сих пор. Сбились в группы, в партии, сообщества, корпорации, фирмы, в профсоюзы банщиков или записных патриотов. Идейно бегут. Интеллектуально. Выверено. Дружно. Примерно, как спицы в колесе: не наше дело, куда крутится колесо, лишь бы оно крутилось... Но – позвольте. Я так не хочу. Хочу параллельно. Поперек или вопреки. Не в массе, не в толпе, а сам по себе. По-своему, грубо говоря, альтернативно... Ты скажешь: *Плохо одному, один не воин, каждый дюжий ему господин, и даже слабые, если двое...* А я отвечу: я не один. Со мной рядом Маруся.

Она хмыкнула. И пристукнула меня затылком в грудь.

-Что приятно, Мань, никому не завидую. **Никому.** Ни тем, кто выше, мудрее, талантливее. И уж, конечно, не тем, кто успешнее и богаче, у кого карманы набиты долларами и высоко-

мерием. Моя жизнь – только моя и ничья другая... Желаний меньше, но они конкретнее. Например, хочу быть рядом с тобой. Удаляться от зла. Хочу получше узнать тебя и себя. Хочу, как у Рильке с твоим Пастернаком: *Он ждет, чтоб Высшее Начало его все чаще побеждало, чтобы расти ему в ответ.*

Она приподнялась, грациозно развернулась и с лукавой усмешкой уставилась на меня.

-Ручаев. А ты меня любишь?

-В смысле?

-В лоб дам, - нахмурилась она. – Я не шучу.

-Мацюпурочка, - удивленно произнес я. – Ты чего? Я же только об этом и говорю.

-Про способ существования я поняла. И про то, как ты собираешься спать под кроватью – тоже. Но зачем я тебе? Что я для тебя значу? Можешь прямо сказать или нет?

-Могу, - кивнул я. – Иди, пошепчу. – Обнял ее и, щека к щеке, негромко сказал: - Без тебя я – ноль. Ничто. Пьянь подзаборная. Раб. Смерд. Червь. Непомерно раздутое пустое достоинство... А с тобой, глядишь, человеком стану. Спасение мое – в тебе... Слова, которые ты хочешь услышать, мало что значат. Они слишком легкие. Безответственные. А я... готов прожить свою жизнь ради тебя... Слышишь?.. Ты меня поняла?.. Свою. Ради тебя... Согласись, это гораздо серьезнее.

-Жертва вечерняя, - отпрянув, нараспев сказала она. Переместилась, закинула ногу и уселась на мне верхом. Глаза блеснули отвагой и озорством. – Знаешь, кто ты? – ткнула указательным пальцем мне в грудь. – Такой же ненормальный, как я.

-Мне кажется, твой случай попроще.

-Рядом с тобой лежит слабая женщина. Не бесчувственная. Выпила рюмку водки, и уже на все согласная. Не уродина. Практически совершенно раздетая. Во всяком случае, ничто не мешает тебе ее раздеть. А ты чем занимаешься?

-Ерундой, как всегда... Черт знает чем. Несу небылицы и всякую околесицу.

-Вот именно... Олух Царя Небесного.

Руки она опустила мне на грудь, и закачалась, свысока поглядывая на меня.

-Решил успокоить. Поберечь... А сам... Ох, речистый ты мой... Трусишка зайка серенький... Забился в норку... Неужели так трудно догадаться?

Марьяна наклонилась, расстегнула на мне рубашку, и теплыми влажными губами стала целовать в шею, плечи, грудь.

-Суженый... Гибель моя... Мой желанный... Глупый, это всегда не вовремя... Улетаю, - бегло целуя, говорила она страстным шепотом. - Что нам делать, Ник?.. Ты должен меня останавливать... Господи, за что мне такие муки?

Она вдруг качнулась, села прямо и решительно сдернула через голову майку. Завела за спину руку, ошупала мою разбухшую плоть, и, тряхнув волосами, сказала расслабленным голосом:

-Обвенчаемся... Пусть небо решает.

Я забрал в ладони ее полные изящные груди.

-Мань.

-Не шевелись, - приказала она.

Распластанный, поверженный наземь, я готов был улететь вместе с ней, упасть в это небо, отдаться на волю волн, признать ее правоту и победу.

Если бы... если бы не какие-то подозрительные стуки и шорохи, раздававшиеся за моей спиной.

-Мань, - вновь робко позвал я.

-Тихо. Молчи. Я сама.

-Кто-то скребется, Мань.

Руки ее на мгновение замерли. Она притихла и насторожилась. Затем резко отпрянула, взглянула туда, где стояла наша машина, и – зашлась от громкого, ничем не стесненного смеха.

-Так я и знала.

-Что?

-Гости.

-Какие к дьяволу гости? Откуда?

-Сам посмотри.

Посмеиваясь, она сдула со лба челку, усмирила мои жадные ладони, и встала.

-Эй, - с досадой пробормотал я. - Ты чего?

В салон тыкалась мордой коза.

Из-под нижнего среза, с тыльной стороны машины, виднелась пара снующих косматых ног. Не целиком, а наполовину, разбойница проникла внутрь, расшуровала сумку с продуктами, без спроса схрумкала бутерброды, оставленные нами на черный день, и теперь обшаривала салон в поисках еще чего-нибудь вкусненького. Ворочала бутылку с минеральной водой, шуршала жирной бумагой, пыталась достать яблоко, закатившееся под переднее кресло.

Я поднялся, обошел машину, и с интересом, как и Марьяна, понаблюдать за бесстыжей рогатой воровкой.

То ли голод не тетка, то ли она в азарте переусердствовала, то ли от природы не очень спортивная, но она застряла, запуталась. Длинная тугая веревка резала ей шею, сдавливала вымя, примяв соски, свободный конец, зацепившись за колесо, уползал по склону вниз, где болтался и вспрыгивал – когда она дергалась – увесистый кол, который, судя по всему, она вырвала из земли, вздумав ограбить неосмотрительных любовников.

-Шпана ты сельская, - сказал я беззлобно и без обиды, пожалуй, даже сочувствуя ей.

-Мэээ, - скулила коза. – Мэээ.

-Пройдоха, - журила ее Марьяна. – Звали тебя сюда? Мало того, что набезобразничала, не дала мужичка соблазнить, еще и без ужина оставила. Не хватало тебе травы?

-Мэээ.

Расправив веревку, мы вдвоем, и, надо сказать, с немалым трудом помогли ей выбраться из машины.

-Иди, надоела, - размахивая полотенцем, прогоняла ее Марьяна. - Пошла прочь. Ступай, откуда пришла.

Не оглядываясь, с прискоком, коза, изредка мэкая, грузной трусой побежала вниз, к озеру, волоча за собой веревку.

-Прикончила припасы, бандитка, - сказал я, глядя ей вслед, – и еще ворчит. Заметила, Мань? Вид у плутовки все равно недовольный.

-Как у тебя.

-Как у меня.

Марьяна, улыбнувшись, склонила голову мне на плечо.

-Я же говорила тебе, не судьба.

ЖИВОТВОРЯЩЕЕ ОМОВЕНИЕ

Марьяна

После погрома, который учинило упрямое глупое животное, автомобилист мой, в отличие от развеселившейся пассажирки, выглядел удрученным. Ему не столько жаль было испорченных овощей и бутербродов, сколько досадно, что кто-то без спроса, в самый неподходящий момент, залез в его обожаемый «гольф», нагадил и набезобразничал.

-Как все равно нашествие варваров, - бубнил он. – Ты гляди, чего наделала, сукина дочь.

Собирая разорванные в клочья пакеты, объедки, мусор, я подшучивала над ним, хихикала, пела и улыбалась.

-Темная ночь, только пули свистят по степи, - мурлыкала, помогая Никите прибраться в машине (маленькой Лизе я часто пела эту песенку как колыбельную).

Господи, с каким наслаждением я бы одичала на этих просторах!

Покончив с уборкой, приведя в порядок территорию, я набросила на шею полотенце и, как начинающая нудистка, с голлой грудью, резво, вприпрыжку побежала к воде. У меня было горячее желание поклониться озеру, сказать ему большое спасибо. Кроме того, я рассчитывала совершить прощальное легкое омовение перед отъездом, в котором ощущала нужду.

Никита решил составить мне компанию, и я была этому только рада. Он сказал, имея в виду проделки козы, что обстановка тревожная, кругом бандиты и воры. Поскольку отныне он человек ответственный, у него нет морального права оставлять даму сердца одну.

-Своевременное и очень правильное решение, - припомнив заветы учителя, сказала я.

Завернув до колен брючки, которые, честно говоря, тоже очень хотелось снять, я с наслаждением поплескалась на камушках.

Вода шелковистая, теплая, нежная, чуткая.

Никита, все это время активно наблюдавший за мной, подал мне руку. Я прыгнула, и распласталась у него на груди. Он обнял меня, мокрую, плененную, свежую. И я услышала жадную скороговорку, пылкую бессвязную речь, те самые, пустые для него, а для меня много значащие слова.

Во второй раз, подумала я, коза на выручку мне не придет. Эта скотина злопамятная.

Насладилась суматошной близостью, пылающими губами Никиты, его гладкой кожей, запахом, буйной силой. Отстранилась и убежала.

Взрослая тетка и приличного вида мужчина, как малые дети, бегали по обожженному склону, хохотали и целовались.

Пока я не сказала:

-Всё, родной. Всё.

-Почему?

-Пора ехать.

-Куда, Мань? - недоуменно уставился он на меня. – По моему, мы как раз приехали.

-Еще нет.

-Но – почему? – настаивал он.

-Не понимаешь?

-Трусиха?.. Все еще не готова?

Я залиvisto рассмеялась. И проворковала сквозь смех:

-Дай хотя бы опомниться. Привыкнуть к мысли, что ты мне не брат, а законный, посланный небом жених.

Он отшатнулся как от толчка. На лбу обозначилась складка досады. Глаза потемнели. Голосом, полным вселенской печали и скорби, сказал:

-Ну, все, это финиш... Обвал... Уму непостижимо, Мань.

Скользнул по мне раздраженным взглядом, развернулся и пошел к машине.

Я понаблюдала, как он развинченной походкой поднимается в гору, и сто раз пожалела, что огорчила его. Что была слишком легкомысленна и беспечна.

Дура вислоухая. Перезрелые невесты так себя не ведут.

Тоже расстроилась. Это была первая наша размолвка. И, конечно, исключительно по моей вине.

Я спустилась к воде, еще немного постояла на камешках. Попрощалась с озером. С небом. С вязкими берегами, заросшими камышом и осокой. Отругала себя. Попросила у Высшей Силы, которая всем заправляет, дать мне немного отзывчивости, уступчивости, терпимости, душевного равновесия, уверенности в себе и ума. Всего того, чего у меня до сих пор нет.

И когда вернулась к машине, поняла, что я отвергнута и осуждена на забвение. От недавней любви и нежности не осталось камня на камне. Мой велеречивый говорун всерьез обиделся. Надулся, как индюк. Осунулся, потускнел. Погрузился во тьму.

Господи, взмолилась я, зеленоглазый мой. Прости, если можешь. Сама не знаю, как это все получилось. Черт меня дернул выставить острые локотки. Еще и смеяться в такую минуту. Я не ведала, что творю.

Честное слово, в мыслях не было как-нибудь унижить его или оскорбить.

Между тем, мой рантье уже не любовался будущей женошкой, не потакал ей во всем, не щеголял готовностью исполнить любой ее каприз, а бесцеремонно отворачивался, оскорбительно отводил глаза, будто пресытился мной, будто отныне я чужая ему, девушка посторонняя, обуза, настолько противна, что и смотреть в мою сторону ему неприятно.

Это было свежо, непривычно. Хотя и, на мой придирчивый взгляд, чересчур сурово. Я еще не успела забыть, что он собирался жить под кроватью. Истязать себя, усмирять свою возбужденную плоть. Собирался учиться ждать, причем, столько, сколько потребуется.

И куда, интересно, все подевалось? Куда улетучилось?

Вот и верь, черт возьми, после этого клятвенным мужским обещаниям.

Столь откровенная непоследовательность, признаться, меня задевала. Где-то было даже чуточку больно. Мне уже приходилось сдерживаться, чтобы в свою очередь не обидеться. Чтобы не вспыхнуть и не возмутиться в ответ.

-Ну, что, Мань? - уныло спросил он. - По домам?

-Как скажешь.

Никита запихивал сумки в багажник, изо всех сил стараясь не встретиться со мной взглядом. Лицо страдальца, без вины виноватого. В глазах безысходность, отчаяние, муки, тоска.

Пнув ногой колесо, хмуро поинтересовался:

-А что, разве программа не исчерпана?

-Не знаю, что тебе и сказать, - произнесла я потерянными голосом, так грустно, как только смогла. – Была мечта заветная – показать тебе Гремячий Ключ.

-А где это?

-В общем, по дороге. Небольшой загибчик. Километров на пять, не больше.

Он выдержал трагическую паузу.

-Что ж. Надо, так надо. Вези.

Ну – раб, узник. Невольник чести. А я, стало быть, злодейка, тюремщица, лишила его свободы, скрутила в бараний рог. Даже не дал себе труда притвориться, скрыть, как скучно ему то, что я предлагаю, как до смерти надоело мотаться со мной по разным медвежьим углам.

А, может, и впрямь я зря ташу его на аркане? Пытаюсь порадовать, удивить? Напрасно навязываюсь? Ну, выдохся человек, с кем не бывает. Пресытился впечатлениями, скис, подвяд. Пижонскую боевитость растряс на ухабах.

-Устал?

-Есть немного.

-Давай, я сяду за руль?

-Нет, - сказал он. - Женские руки изменчивы. Ненадежны... Жизнь не настолько мне надоела, чтобы доверить ее...

Я фыркнула. Гневно стрельнула в него глазами.

Дуроплет, зло подумала я. Совсем распустился.

Он и сам понял, что нахамил, сказал непристойность, жуткую гнусность. Выдавил:

-Извини.

-Вот что, дружок, - с угрозой сказала я. – Постарайся вымещать свое недовольство на ком-нибудь другом, хорошо?

-Еще раз прошу – извини.

-Вожжа под хвост попала?

Он кивнул.

-Она.

Я убедилась, когда его лишают сладкого, когда он устал, раздражен, когда пламя обиды и раздора выжигает последние капли человечности у него внутри, от него исходит такой безобразный мрак, что пристойного выбора просто не остается – надо либо сгрызть его, съесть живьем, либо спастись бегством.

Он как-то скачкообразно, в миг, удивительно подурнел.

Нет болезни опаснее, чем та, что искажает лицо, сказал врач Гиппократ.

Так мы и ехали, не разговаривая, сраженные приступом немоты, ни разу не взглянув друг на друга, как будто убитые горем молодожены, оконфузившиеся в первую брачную ночь.

Честно сказать, я расквасилась, но не очень. Мне было о чем помолчать.

Сердце не говорило ни да, ни нет.

Веселенькая история. Еще не начали жить – он по любви, я по расчету – а уже наметился ровчик.

Сладкоголосый мой. Родненький. Врун, хвостун и лепетун. Строишь воздушные замки. Все-то ты знаешь, все за меня решил. И в супружеской постели я буду одна. И детей за меня дядя будет рожать. А ты, значит, рантье. Намерен при сем присутствовать. Субсидировать. Следить, чтобы я не наделала глупостей.

Нет, господин хороший. Второго Левы мне не надо, мне и первого хватило с лихвой.

Предлагаешь, пока не дозрею, спать по очереди, как часовые?

Боюсь, ничего не выйдет. Задумка неважная. Не получится. Девушка я с характером. Взбалмошная. Разнузданная. Своенравная. Свободой непоправимо отравлена. Привыкла к безнаказанности. Диктата, даже мягкого, не потерплю. Совершать необдуманные поступки – суть моя, мое грешное естество. Если я в чем-то самостоятельна, то именно в этом.

Так что, дружочек, даже если ты мне не брат, семейная жизнь откладывается.

Как надолго, не знаю. Посмотрим. Как будешь себя вести.

В гнетущей обстановке чувства не живут, а вянут и пропадают.

Еще неизвестно, как теперь поведу себя я.

По крайней мере, в одном можешь быть совершенно уверен, мой дорогой: до возвращения в Москву терять голову я не намерена.

-А здесь куда? – спросил он хмуро и по обязанности, как будто он уже не жених мой, даже не приятель и не знакомый, а просто таксист.

-Через переезд, и на Струнино.

-Город проскакиваем? Проезжаем насквозь?

-Покажу школу, где я училась. Издали полюбуемся, и уйдем резко на Площево... Дорога там миленькая. Березки, речушки, и все такое.

-Березки – это лучше, чем ничего, - хмыкнул он.

-Правда – лучше, - безразлично прошелестела я.

И умолкла.

Ну, да. Не отрицаю, я слегка виновата.

Положим, я бессовестная. Хохотушка. Коза мне дороже неги.

Под изумрудным небом что-то у нас не совпало. Его пыл не угас, рвение не иссякло. А я, раззява, некстати рассмеялась. Пронзила влюбленное сердце пошлым хохотом. Ударила, оскорбила, самым грубым и непристойным образом надругалась над лучшими чувствами. За всё доброе отплатила черной неблагодарностью.

Ну, и что с того?

Подумаешь, окоченел в предвкушении. Судьбоносный миг. В последний раз, что ли? Я же никуда не исчезла. Нашел из-за чего обижаться. Этой нанайской борьбы, если сам не бросишься наутек, будет сколько угодно.

Неужели кроме однообразных, примитивных физических упражнений солидным людям больше нечем заняться? Какого черта делать вид, что я совершила тяжкое преступление?

-Приятная дорога, - буркнул он.

-Родные лужайки, - ответила я, хотя меня это вроде бы не касалось. - Я тут впервые влюбилась.

Он бездушно, пусто, безо всякого интереса взглянул на меня.

-В школьного учителя литературы?

-Не угадал. В Ваську, хулигана. - Я улыбнулась, припоминая. - Лапочка. Белобрысенький такой. Весь в веснушках... Очарование.

-Пубертат?

-Раньше. Мне было девять или десять лет, а ему тринадцать.

-И чем кончилось?

-Ничем.

-Слезы? Стенания?.. Хотя бы целовались?

-Если бы, - сказала я с легким смешком. – Страсть безответная. Он меня совершенно не замечал.

Чуть не добавила: «Как ты сейчас». Но устояла.

Судя по голосу, по интонации, мне показалось, он не прочь навести мосты.

И, вместе с тем, что-то его удерживало. Мешало сознаться, что он брызга. Себялюбец. Пустомеля. Чурбан неотесанный. Возможно, не знал, как это лучше сделать. Боялся столкнуться с отказом, с непониманием, с отповедью. С тем, что я могу высказать ему все, что о нем думаю.

Сама на помощь я к нему не спешила. Пусть помучается. Ему это полезно. В конце концов, поймет, что я не игрушка ему, не рабыня, не седьмая жена в гареме, не его личная собственность.

Тоже мне, благодетель.

Как он смеет что-то решать без меня, когда дело касается нас двоих? Выдумывать дурацкие сценарии, и считать, что я обязана в них участвовать? Я не кукла ему. Никто и ничто не заставит меня действовать по чьей-то указке. Не хочу и не буду я поступать так, как кажется правильным только ему. Еще не хватало, чтобы в моем собственном доме пахло сатрапом, деспотом, властелином, мужским шовинизмом.

-Неистовый цвет, - он по-прежнему разговаривал с самим собой, любуясь летящими навстречу полями, лугами и перелесками. – Волшебн... Когда свет убывает.

Из-под плеча я незаметно взглянула на него.

Углы губ подтянулись, глаза уже не пылали обидой и злобой. Чутьочку оттаяли, стали мягче.

И хорошо, подумала я. Пусть он мной недоволен, но пейзажи, виды, места, где провела я детство и юность, его, кажется, не разочаровали, и слава Богу.

Километров десять ветвистой дороги мы проехали молча.

Боже, думала я, как же я мучалась, радовалась, как сходила с ума незадолго до нашей поездки. Целую вечность (дней десять) тому назад, когда мы возвращались из ресторана, Никита признался, что **для него уже все случилось** (то есть, если перевести на язык предположений, предпочтений, внезапных чувств, он болен, влюблен, всерьез и надолго, и пути назад нет, во всяком случае, для него, это уже окончательно и бесповоротно). Просто, добавил он, *ум у меня медлительный, не идущий дальше того, куда его довели.*

Окрыленная, я выпорхнула из машины, и, помню, остаток вечера, ночь, кусочек утра и ломтик дня в груди моей бушевало половодье чувств.

Ай, да Марья с Яночкой! Чаровница, - верещала я перед зеркалом, разглядывая цветущую дамочку, с лица которой не сходила глуповатая улыбка. Можно лопнуть от самодовольства и гордости, когда не самый последний парень, за которым столько бегала, вдруг заявляет, что ты ему дорога.

Соблазнила-таки. Bravo. *Сила наша в нашей слабости, а слабость наша безмерна!*

В женском тщеславии, в отличие от мужского, нет ничего зорного. Наше, бабье - естественнее, проще, обыденнее. Страсть нравиться заложена в нас самой природой, и, будь я сухой оглоблей, каланчей, трижды кривой и горбатой, тайное желание, чтобы мной восхищались, невозможно ни искоренить, ни насытить.

Но уже к вечеру следующего дня чувства мои опали. Я опрокинулась. Безо всякого сопротивления с моей стороны прокрались в душу уныние и печаль.

Теперь мне мнилось, что я в ловушке. Это пропасть. Капкан. Колодец без дна. На хрупкие плечи обрушилось нечто, чего я

не ждала, не хотела. Не пророчила, не просила. Сколько ни вздымала очи к хмурому небу, сколько ни вопрошала, не могла добиться ответа, зачем мне все это. Немыслимо. Мы кругом опоздали.

Я изверилась, куда-то бегу, а потом выпадаю, сникаю. Живу, как монашка, только без Бога. Скоро стану городской сумасшедшей. Притупилась моя восприимчивость. Прежнего вкуса к жизни не ощущаю. Нет былой безоглядности, смелости, радости. Мучительно трудно сделать выбор. Не вижу, где истинное, а где лукавый обман. С предпочтениями просто беда. Все зыбко, мутно, темно.

Ну, что поделаешь. Я не пара ему, я другая. Не могу я думать, как он. Не надо мне снов, воодушевления, слов, я недостойна такого признания. Оно меня застигло врасплох.

Честно говоря, я **боюсь**.

Понятия не имею, что со всем этим делать. Может быть, впрямь я ему не сестра. А просто прохожая. Может быть, мы обыкновенные путники, которых свел Его Величество Случай. Может быть, он современнее. Видит дальше, лучше, глубже, чем я. Но все равно: **его** уверенность не отменяет **моих** сомнений.

Я раздваивалась. Распадалась. Я была не одна – во мне ожила еще одна, другая, разнuzданная отвратительная тетка, и обе мы готовы были вцепиться друг в друга, съесть живьем.

Существующие табу следует уважать, слышала я предостерегающий голос. Неплохо, конечно, пребывать в безразмерных чувствах. Приятно узнать, что относительно зрелый, ни на кого не похожий, интересный молодой человек утверждает, что нашел то, что искал, и не желает тебя терять. Однако взрослой тетке, если она не совсем безрассудна, если не забыла, кем ей доводится молодой человек, надлежит быть на страже. Держать наготове отточенные коготки. Использовать всевозможные уловки, в чем женщины, безусловно, изощреннее и изобретательнее мужчин.

Ну, не знаю, вздыхала я. Надоело играть, притворяться, хитрить. Я безмерно устала. Кроме того, еще неизвестно, кто из нас прав. Никита, например, убежден, что я заблуждаюсь. Го-

ворит, пройдет время, и я поумнею. Откажусь от пустых притязаний и, в конце концов, перестану держать его за какого-то вымышленного дальнего родственника. Почему бы мне ему не поверить?

Хочу обыкновенного женского счастья. Неужели я так много требую, желая быть всего лишь самой собой?

Я надеялась, что, может быть, светлыми короткими ночами на меня снизойдет озарение, и я пойму, что мне делать. Или Никита одумается. Остынет. Сжалится надо мной. Сообразит, что я бы охотно. Всею душой. Хочу, но, увы, **не могу**.

Спаси меня, Господи, от самой себя.

В отличие от комплексующей родственницы, Никита вел себя гораздо определеннее. Как и положено вагоновожатому, постоянно предлагал куда-нибудь съездить, пойти, в театр, в кино, куда моя душенька пожелает, хоть на молодежную дискотеку или снова в ресторан.

Спустя несколько дней, я уже чувствовала, что он вездесущ. В огромном городе – ни спрятаться, ни скрыться. Он обложил меня флажками, как волчицу, и я уже чувствовала, что мне просто некуда деться. От свиданий, от прогулок, от встреч наедине, пока не опомнилась, еще ничего не решила, пока хватало изобретательности и лукавства, я увиливала, как могла. Но без того, чтобы не слышать его голос по телефону уже не в состоянии была обходиться.

Он быстро понял, что со мной, чего я опасюсь, и ни на чем не настаивал. Не торопил события, но и не оставлял смущенную женщину без присмотра. Он знал, что в любую минуту я способна уползти, увернуться, сбежать, залечь. И как-то спокойно и ненавязчиво не позволял мне этого сделать. Каждый божий вечер звонил, иногда и днем на работу, развлекал, подбадривал, тормозил. Признавался, что очень скучает. Врал, что, кроме меня, никто его по-настоящему не понимает. Он так одинок в этом мире, что только со мной ему удастся поговорить по душам. Не разрешал без него уснуть; придумал себе забаву – непременно последним желать мне спокойной ночи.

Не помню, чтобы когда-нибудь меня с такой настойчивостью опекали. С такой искренней нежностью за мной ухаживали, при этом оставаясь на почтительном расстоянии. Так усердно следили, чтобы я никуда не исчезла. Так стремились ко мне, так искали моего скучного общества, так нуждались во мне, добивались моего внимания. Признаюсь, я не предполагала за ним столько упрямства, воли и силы. Понимания, с какой ненормальной имеет дело. Не думала, не гадала, что найдется на земле человек, горящий желанием вытащить меня, приблизить, узнать, помочь. И как будет стоек при этом, не обидчив – во всяком случае, делать вид, что нисколько не удручен, когда в очередной раз я его обижаю отказом.

Может быть, и есть на свете бесчувственная женщина, способная устоять под подобным натиском, чье сердце осталось бы ледяным, не откликнулось бы, не растаяло. Но, судя по всему, это не я.

В светлое воскресное утро, последнее перед нашей поездкой, когда мой центр, моя старенькая Москва пустеет, стихает, впадает в дрему, я все-таки выпрыгнула из норки.

Мне вдруг безумно захотелось увидеть Никиту, пройти с ним по пустынным улочкам. Почувствовать его рядом с собой, вспомнить, как он выглядит, как молчит, как смотрит на меня, как иногда бережно берет меня за руку. Я уже изнемогала от бесконечных разговоров по телефону, от бессовестных отговорок, от странствий в мире призраков. Послала ко всем чертям надоевшие опасения, и сама предложила ему прогуляться в районе Чистых прудов, по Большому Харитонию к дворцу Юсупова, переулкам Мясницкой и Сретенки, спадающим к Цветному бульвару.

Он охотно откликнулся, и мы чудесно прошлись.

Никита был элегантен, мил, предупредителен, очень красив. За те несколько дней, что мы не виделись, мне показалось, он невероятно похорошел. Говорили не о нас, (я пресекала), а о том, что я ему показывала, и что нам обоим нравилось. Прогулкой он остался доволен. Внезапным бегством моим, естественно, нет.

В людном месте при свете дня я вдруг почувствовала, что слабею. Думаю уже не о прелестях и красотах, которые мы с ним обсуждаем, а неизвестно, о чем.

Меня неудержимо влекло к нему. До обморока волновало его присутствие. В сердце не было ничего, кроме грешных желаний. Я пропадала. Мысли только о неосуществимости. О сладкой недостижимости.

Боже, что делать?

И я безжалостно распрощалась с ним на Неглинной. Вдали от собственного дома, прервав беседу на полуслове, не пощадив ни его, ни себя, ни той легкой нежности, которой город делился с нами, которая сопровождала нас в течение всей прогулки.

Внешне, если не знать, что творится у меня внутри, это выглядело, как глупая прихоть. Как образцовая грубость. И я бы не удивилась, если бы он немедленно бросил меня и навек забыл.

Помню мимолетную тень на его лице, когда я небрежно обняла его и торопливо чмокнула в щеку. Лицо, смятое огорчением.

Но он сейчас же взял себя в руки. Улыбнулся, поощряя, приободряя, - словно мой необъяснимый поступок его несколько не удивил и даже не расстроил. Словно все в порядке вещей и идет своим чередом.

Вечером, разумеется, позвонил, справился о моем самочувствии. Поблагодарил за прогулку, за подарок – еще один неизведанный уголок Москвы.

И, прощаясь, сказал: «Между прочим, Габарина. На дворе лето, белые ночи. Помниться, мы собирались навестить Рыков Лог». – «Собирались, - вздрогнула я. Ощетинилась и дала задний ход. – Рано, Никита. Земля не просохла». – «А, по-моему, Мань, самое время. Проветримся. Стряхнем пыль с душ и ушей. Примем на грудь немного зеленой свободы. Заодно прокатимся по местам наших детских грез». – «Были дожди, - отбивалась я. - Знаешь, какие там дороги?» - «Еще бы не знать. Если память не изменяет, тридцать лет прошло». – «С той поры они лучше не стали». – «Значит, дело за малым? Ждем у моря

погоды?» - «Да, - выдавила я». - «Добро, - сказал он. - *Ты сви-стни, тебя не заставлю я ждать. Пусть будут браниться отец мой и мать.* В общем, Маруся, «гольф» под парами. Ты вправе располагать и им, и мной, как тебе вздумается».

И я поняла, что от поездки не отвертеться. Ничего просто так Никита не делает. Он все продумал, и будет ждать, сколько потребуется.

Конечно, он знал, как я его теперь боюсь. Как я хочу его, как стремлюсь к нему и как всего этого опасаясь.

Как только речь заходила о нас, о чем-то конкретном, о том, чтобы задвигаться и попробовать дальше жить, я пряталась в свой сундучок, замыкалась. Делалась нервной, дерганой, боязливой, как прокисшая, пересидевшая все сроки невеста. Цепенела. Косматой лапой страх хватал меня и утаскивал за собой.

Я боролась, сопротивлялась, цеплялась за что угодно, без разбора, любую соломинку. Выдумывала всякую чушь, от которой самой потом было стыдно. Лгала не потому, что неисправимая врушка, а потому что – дрожь, озноб, предчувствие близкого обморока. У меня пресекалось дыхание, кружилась голова.

Прошло бог знает сколько времени, а я так и не решила для себя, как мне следует поступать и что делать.

Несколько раз поездка откладывалась, сроки переносились. Разумеется, из-за меня. Я пеняла на вредные обстоятельства. Изворачивалась, как могла. Долго и вежливо извинялась. Чем туманнее и ничтожнее были мои путанные оправдания, тем с большим рвением я его уверяла, что всей душой за то, чтобы поехать.

Но потом наступила изнуряющая жара. В городе стало душ-но, нечем дышать. Само небо взяло Никиту в союзники, и про-тивостоять двум таким соперникам я уже не смогла.

В конце концов, подумала я, тянуть дальше попросту оскор-бительно. Верх неприличия. «Ну, что? – спросила я. – Едем?» - «Естественно, - обрадовался он. – Побреюсь, и вперед. Пока ты не передумала». - «Только без ночевки, хорошо?» - «Как ска-жешь, Яна с Маней. Меня устроит любой вариант».

Мы выбрали день в середине недели, и условились, что он заедет за мной пораньше, часиков в семь утра, чтобы спокойно, без толчеи, выехать из Москвы и к вечеру вернуться обратно.

-А Ключ твой? – спросил Никита, попросив прикурить для него сигарету. - По качеству этим видам не уступает?

-По-моему, превосходит, - сказала я. – Кроме того, чтоб ты знал. Место это историческое. Когда-то в шалаше там жил отшельник.

Он хмыкнул.

-Пострел и тут поспел?

-Не поняла.

-Ильич?

-Что ты, - замотала я головой. – Этого противного товарища мы бы сюда не пустили.

-Почему?

-Без него воздух чище.

Он нехотя улыбнулся.

-И кто же тогда?

-Сам Сергей Радонежский.

-Какие люди, - поерзав на сиденье, слегка оживился он. – Так это к нему мы спешим на свидание?

-К нему.

И мы вновь замолчали.

Мне - теперь уже независимо от того, понравится там капризному водителю или нет – действительно очень хотелось попасть еще и к источнику, раз уж мы оказались неподалеку. За столько лет я успела соскучиться. В детстве была там несколько раз, с мамой и с Кленовым. Потом еще ездила с подружками, когда подросла. И до сих пор помню состояние очарованности, подъема, изумления, радости, которое привозила с собой.

Во взрослой жизни столь сильных эмоций, пожалуй, и не припомню. Ничего подобного со мной не случилось, хотя где я только ни побывала, в том числе в местах изумительных, наверняка превосходящих по загадочности, масштабам и красоте мой скромный Гремячий Ключ. Я не знаю причин, по которым он так на меня воздействовал. Очень часто о нем вспоминала,

гораздо чаще, чем что-либо другое из деревенской поры – игры, школу, танцы под гармошку с балалайкой, длинные прогулки девичьими стайками по шоссе в окружении прыщавых мальчишек.

В каком-нибудь пестром бегучем сне вдруг возникала жуклинская русалка под водопадом – точеная, юная, безукоризненно сложенная, словом, не совсем я, а моя дерзновенно улучшенная копия (мама не разрешала мне окунаться с головой, а только немного попить, у меня слабое горло, нельзя его застудить, можно лишь чуть-чуть смочить ручки, ножки, лицо). Как я стою под пружинистыми струями, брызгаюсь, подставляю ладони, колени. Мне весело, радостно. Я хороша собой. Я лучше всех. Я переполнена счастьем.

Наутро, после такого сна, я просыпалась бодрая, легкая, почти невесомая. Как будто смыла с себя липкий грех, смурь и тоску.

-Ручаев, - рискнула я отвлечь водителя от дороги. – Как, потвоему? Что такое живая вода?

-Понятия не имею.

-Черт возьми, - вырвалось у меня.

Я устала молчать.

Мне до жути надоело это угрюмство, этот третий пассажир, который от самого Долгоречья ехал с нами в машине. С такими постными физиономиями, подумала я, делать там нечего, напрасно время потеряем, лучше уж мимо проскочить.

-Вода же разная, правда? - нарочно пристала я к нему. - Бывает чистая, мутная, грязная, ржавая. Речная, талая, дождевая. А бывает живая. Чем отличается чистая вода от живой?

-Ничем.

-Ладно, врать-то.

Усилием воли он подавил улыбку, которая просилась к нему на лицо. Мне было ясно, что разговаривать он не желает – неясно, правда, вообще со мной, или на тему, которая казалась ему не заслуживающей обсуждения.

А я заупрямилась.

-Этот источник – святой, - сказала, отбросив с лица волосы. – Вода там целебная. Лечит подагру, радикулит... Сама свидетель... Хронические простуды, бронхи, легкие.

-Сказки, Маш. Святая наивность. Фольклор. Дремучее суеверие.

-Сам ты дремучий, - фыркнула я. - Сказка – ложь, да в ней намек... Когда я, например, в детстве читала, как добру молодцу какой-нибудь подлец отсек голову, а ему быстренько на рану брызнули живой водой, и голова приросла, я представляла себе, что спасла его как раз наша вода из источника... Между прочим, ни капельки не сомневалась, что так и есть.

-И сейчас веришь?

Я вздохнула. И честно призналась:

-Мне жаль, что стала сомневаться... Когда верила, было лучше.

Отвечал Никита лениво, из вежливости. Ни призывный голос мой, ни поднятая тема, ни жалкие мои потуги исправить настроение, к сожалению, на хмурого попутчика не действовали.

Я утопила в гнездо прикуриватель, надкусила яблоко, закурила. Поскольку ничего другого мне в голову не приходило, попробовала поговорить с ним о том же самом, но немного иначе. Как он любит. Зайти с другой стороны.

-А, по-моему, сам человек ничего выдумать не может, - выпустив неприлично длинное облако дыма, сказала я. - Ну, разве какую-нибудь ерунду... Ему приснится что-то во сне, или он вдруг что-то интересное и непонятное увидит, и на основе увиденного фантазирует... В снах ведь тоже ничего нет, что до этого не случалось. В нашей жизни или в чьей-либо другой, в жизни тех людей, которые жили до нас... То есть, я хочу сказать, в каком-то смысле в сказках все правда. Что-то, наверное, было. Знамение, чудо. Забил родничок, слепой вдруг прозрел. Что-то в этом роде.

-Ну, да. Принял мученическую смерть, был похоронен в пещере, и на третий день воскрес.

-А известно тебе, - развернувшись, с напором сказала я, - что вот уже шестьсот лет к этому шалашу не зарастает народная

тропа? Люди идут и идут. Издалека, из Ярославля, из Костромы. Зимой и летом, круглый год. Причем, сами. Ножками. Их никто не принуждает. Там нет ни столбика. Ни вывески... Только молва.

-Народ, Маруся, как правило, заблуждается.

-Вот как?

-Освежить твою память?

-Ну, освежи.

-Однажды твой мудрый народ, - с издевкой сказал он, - спросили, кого помиловать, Христа или разбойника? И что этот богоносец ответил? Конечно, разбойника... Прикинь, Мань. Самого Спасителя казнили по желанию трудящихся.

-Бывает. Ошиблись, - сказала я, забываясь только о том, чтобы разговор не иссяк. - Не каждый сразу поймет, что перед ним не земной человек, а посланник. Пророк и святой.

-Святой, говоришь?.. А Адольф и Иосиф? Сладкая парочка. Шиккельгрубер и Джугашвили? По-твоему, тоже святые?.. Просвещенный немецкий народ выбрал себе в вожди маляра. Наш великий и могучий - бездарного графомана. Причем, как один всенародно любимый, так и другой от народа не скрывали, что основной их талант – губить души, пить кровь, закусывать человечинкой.

-Господи, - со вздохом покачнулась я, - я же совсем о другом.

Ну, и ну, подумалось мне. Редкое взаимопонимание. Ему про Фому, а он про Ерему. Кажется, своими вопросами я лишь нечаянно что-то в нем подожгла, разбудила непримиримого спорщика, не желающего ни видеть, ни слышать никого и ничего вокруг.

-Святые, - гневно шипел он, глядя прямо перед собой и разговаривая явно не со мной, а с кем-то еще. – Все верить бросились. Церковь им подавай... А известно тебе, что в России верующих примерно десять процентов, а православных чуть ли не в пять раз больше?

-Да, ну?

-Вот тебе и ну. А знаешь, почему?

-Нет, - сказала я. – Даже не понимаю, как это может быть.

Он обернул ко мне рассерженное лицо.

-Объяснить?

-Сделай милость, - робко сказала я.

-Потому что есть истинная религиозность, и есть конфессиональная.

-А это не одно и то же?

-День и ночь. Истинная религиозность, это когда отношения с Богом интимные, личные. Земля, Небо, Он и ты. Когда человек не выпрашивает, не вымаливает что-то у Бога, а пытается заслужить. Когда стремиться узнать, прежде всего, самого себя, и в себе самом найти что-то святое. Когда церковь – Храм Христов, а не филиал Лубянки... А конфессиональная, это когда под знаменем своего Бога люди объединяются по принципу: наш – не наш. Наша вера самая правильная, а любая другая - неправильная, вредная и чужая.

-И пусть.

-Нет, не пусть... Срабатывает стадный инстинкт. Зарождается фундаментализм. Исламский, католический, православный.

-И черт бы с ними, - сказала я. – Лишь бы жили мирно.

Он побарабанил пальцами по рулевому колесу.

-Мирно... Не было бы фундаментализма, Мань, не было бы религиозных войн... Когда вместо истинной религиозности преобладает конфессиональная, это значит, что на первом месте идеология, борьба, распри, и только на втором, третьем или десятом – вера... Хуже всего, что многие эту дьявольскую подмену не замечают.

-И сейчас так?

-Естественно, - сказал он немного спокойнее. - Ислам, например, тихая, вполне мирная религия. Как, впрочем, и любая другая. А исламский фундаментализм – святых выноси. Православный, протестант или приверженец ислама - не одинокий, а вставший в строй - уже, по существу, член партии. Вроде бы верующий, а пощупай его, внутри он - большевичек. Под знаменем Христа или Аллаха может призывать к чему угодно, в том числе к мести, ненависти и насилию.

-Правда. Я встречала таких.

-Ну вот. И в результате, мы имеем мировой террор. Невинные жертвы, кровь, смертников, взрывы и стон по всему миру.

-Что же делать? – загнув, спросила я.

Он помолчал.

-Жить отшельником, - сказал вяло и тихо. - Как твой Сергей Радонежский.

-Я серьезно.

-И я. *Живи незаметно*, - он повернулся, и ненадолго задержал на мне тусклый взгляд. – У Ежи Леца есть афоризм. *Говорят, он ничего не сделал в искусстве. Неправда - сделал. Он понизил средний уровень.*

-И что?

-Катастрофически падает уровень, Мань... Этологи открыли: есть четыре вида сообщества. Самый низкий – анонимная стая. Что-то похожее на скинхедов. Чуть выше – сообщество без любви. Ну, примерно, как в метро или в лифте. Еще выше – сообщество грызунов. Это арабы с евреями. И самый высокий – сообщество триумфального крика. Когда агрессия преобразуется в дружбу или в любовь. – Он помолчал. Перенес руку с рулевого колеса на рычаг переключателя передач. – *Чем ниже наши нравы, тем печальнее наша судьба...* Это закон, Маруся. Старый, древний. Неотменимый. Ему примерно столько же лет, сколько синайским скрижалям.

-Ух, ты.

-Слово «культура», как ты знаешь, имеет много значений. Самое точное, по-моему, – **упорядочение**... То есть, строго говоря, можно обойтись без строительства нацизма, ну, этой... как ее... суверенной вертикали *в одной, отдельно взятой за нефтяную трубу стране.*

-Как у нас, что ли?

-Порядок возникает сам собой, понимаешь?.. Если, конечно, при этом наращивать культурный слой... Зависимость тут прямая. Понижается уровень, мы живем как грызуны или скинхеды. Повышается – начинаем дружить и любить друг друга.

-У нас с тобой понизился?

-Резко, - сказал он.

И даже не улыбнулся.

Разговаривал он со мной все-таки свысока, не слишком вежливо, принуждая себя, скупно и неохотно. Слова не выговаривал, а в час по чайной ложке цедил. Вещал, но как-то без удовольствия, без желания щегольнуть и, тем более, чему-нибудь научить невежественную пассажирку, которая впервые услышала, что есть, оказывается, религиозность такая и сякая, сообщества анонимных грызунов и любовного триумфального крика.

А я все равно не обижалась.

Сказала себе, терпи!

Хотя бы еще немного, пока не увидишь свои водопады.

Если ударили по правой щеке, подставь левую.

Ничего, не рассыплешься. Лучше обиду снести, чем нанести, как говорит моя Кузьминична.

Авось, как-нибудь образуется.

Между тем, мы проехали Площево, и я показала Никите, если свернуть налево, чуть подальше отсюда, живет и процветает деревня Жуклино, место моих детских радостей, печалей и слез. Но сегодня мы туда не поедem, а свернем направо, и промчимся еще километров пять по военке до деревни Малинники.

Я решила, что к источнику будем пробираться нижней дорогой. Жуклинцы называли ее летней. Верхняя, зимняя, короче и тверже, но в памяти моей отложилось, как возле безымянной речушки дряхлый мост все время чинили – а вдруг к нашему приезду не починили?

Никита сбросил скорость.

Я подсказала, где сворачивать. Напротив автобусной остановки.

Мы скатились под уклон, соблюдая предосторожности, огибая кукурузное поле.

У развилки заметили бежевую «девятку», уткнувшуюся носом в кустарник.

Никита заворчал.

-Видишь? Умные люди отсюда идут пешком.

-Не нуди, - приструнила я его. - Им еще топать и топать. До источника три километра.

-Сколько? – в ужасе переспросил он.

Я помнила, где-то рядом разливанная лужа. Дорогу пересекает ручей. Весной и осенью тут все взбухает. Вязко. Жижа, слякоть. Вечно непролазная грязь.

У первой же ямки Никита трусливо затормозил.

-Сядем, Маш. Машину угробим.

Вышел. В сердцах пнул ногой спекшийся глиняный гребень. Оглянулся и вытаращился на меня – я, по его мнению, спятила. Углы губ брезгливо опущены. Лицо мученика, страдальца. Боже, как он себя казнил. Как сожалел, что по слабости мне уступил.

Тем не менее, за руль все-таки сел. И, к своему удивлению, аккуратно, довольно легко проехал.

-Убедился? Ничего же страшного?

-А стресс?

В редком лесочке, тянувшемся вдоль правой обочины, мелькнули три мужские фигуры. В конце концов, мы их догнали и перегнали, хотя Никита тащился, как черепаха. Два рослых моложавых священника в черных платьях шагали размашисто, крупно, долгополыми юбками метя пыль. Вслед за ними вприпрыжку семенил кривоногий низенький мужичонка в кепке и гражданской одежде, - должно быть, водитель «девятки», который их привез.

-Паломники, - съехидничал Никита. – В Мекку топают.

Местные холмы меня всегда поражали – с тех пор, как, будучи девочкой, впервые их разглядела. Они тут солидные, выше тех, что в округе, крутые, островерхие, статные. Нигде в Подмосковье таких больше нет – во всяком случае, я не встречала. Деревья толстые, в три обхвата, как на Севере, с пышными кронами. Сосны раскидистые, ветви у них золотые, метелки игл крупные и увесистые. Стволы берез белее чистого свежего снега. Липы от земли до макушки в шубах из спелой листвы.

По тряской дороге мы проехали около километра, никого больше не обогнав. Тогда как навстречу нам все чаще стали попадаться пешеходы, возвращавшиеся от источника. Шли они группами, по двое, по трое, семьями или в одиночку. И все несли с собой драгоценную воду. В канистрах, бидонах, банках, втиснутых в сумки-авоськи, в рюкзаках за спиной. В чем при-

дется. Трудно сказать, кто они были такие - местные, сельчане, приезжие, жители Москвы или Ярославля. Скорее всего, всех намешано понемножку. Публика самая разная. От бабулек с внучатами до броско одетой студенческой братии с мобильными телефонами. Больше других мне запомнился парень в темно синей бейсболке. Он шел и насвистывал. Лицо озорное. Бедовое. На шее у него висела гирлянда бутылок из-под «пепси-колы», наполненных ключевой водой, и он, словно играя на гармошке, выстукивал по ним пальцами какой-то любимый мотивчик.

Среди леса, на взгорке, показалась заброшенная деревенька. Чуть подальше – другая. Каждая домов на десять-двенадцать. Всё с детства собиралась узнать, как они называются, но так и не узнала.

Никита ехал куда веселее. Похоже, свыкся с дорогой, и даже, по-моему, простил ей некоторые неудобства.

Заметно было, что мы постепенно забираемся вверх. По-прежнему прыгали с горки на горку, однако, с каждым таким прыжком небо как будто к нам приближалось.

Сырых низин поубавилось. За нами увивалась приставучая пыль. Лес постепенно редел. Вскоре совсем отступил.

В лобовое стекло брызнуло предзакатное солнце. Повернув под острым углом, дорога по полю плавно устремилась вниз.

Слава тебе, Господи, подумала я. Добрались.

Путь нам преградила высокая лохматая гора. Темная, дикая, горделивая, заросшая длинноногими деревьями. У подножья ее, вдоль невидимой отсюда речки, вился ветвистый кустарник выше нас ростом. Сбоку, в тенечке, притулились несколько «жигулят», какая-то серая иномарка, микроавтобус «фольксваген».

Никита вопросительно на меня посмотрел.

-Как они здесь оказались?

-По зимней дороге проехали.

-А мы? Оплошали?

-Успокойся, - сказала я. – Не завидуй. У них там тоже были проблемы.

Протяжный отлогий склон, по которому мы только что съехали, вероятно, недавно косили. Отсюда, снизу, юный зеленый ковер, подсвеченный рассеянным солнцем, выглядел просто роскошно. Справа виден был лес, а налево уходила череда лысых холмов.

Даль в лентах троп и дорог. Сочные тени. Предчувствие сумерек.

-Ну, Марьяна Романовна? – поторопил меня Никита, не дав, как следует, насладиться. - Куда нам? Руководи.

С притоптанного мысочка вниз вела лесенка в шесть-семь ступеней. А дальше - удобные вежливые мостки.

Никите приглянулись перила - змееобразные, сучковатые, затейливой формы, сделанные из корявой осины особого влагостойкого сорта. Он нежно провел ладонью по верху древесины, словно поглаживая собачонку:

-Толково. С любовью и знанием дела.

Мостки, изогнувшись, сами привели нас в затененный густой ивняк.

Мы услышали шум шелестящей воды.

Никита нащупал мою кисть, сжал, и уже не отпускал.

По мере того, как мы приближались, шум нарастал.

В волнении мы невольно замедлили шаг. Нас окутало сырое облако. Морось, капельная пыль.

Держась за руки, мы прошли насквозь набухший влагой кустарник, и увидели, как из горы навстречу нам потоками льется вода. Сразу несколько водопадов. Разной упругости и силы. И на неодинаковом расстоянии от земли. Один, самый мощный, бил из середины горы, два других повыше и сбоку, и еще два правее почти на одном с нами уровне.

-Невероятно, - восхищенно пробормотал Никита. – Это же... Чудо явленное.

Заносчивый хлюст, горожанин, книжный червь – ему естественно удивиться. Но даже я, сельская, трезвая, битая жизнью баба, прекрасно знавшая, что меня ждет, и то расчувствовалась. Стояла и пялилась, разинув рот.

При виде этой летящей и падающей хрустальной воды, непонятно почему рвущейся из недр горы, я испытывала почти тот же наивный пугливый восторг, как когда-то в детстве.

Сердце сладенько защемило. По-моему, у меня началась легкая тахикардия.

- Не ожидал, - умилялся Никита. – Ну, штурман... Нет слов.

Я была готова к тому, что с возрастом, очерстев, помотавшись по миру и насмотревшись всякого, я стала сытой, перекормленной, невосприимчивой и толстокожей, и уже не почувствую ни тайны, ни очарования. Думала, что за годы, пока меня не было, здесь все заросло, измельчало, пришло в уныние и в упадок.

А оказалось – ничего подобного.

Нашлись безымянные герои, подвижники, светлые люди, которые место облагородили.

Помимо мостков, появились дорожки для прогулок, обзорные площадки, усыпанные мелким гравием, витые лестницы, просторные кабины для омовений, стилизованные под старинный острог. Неподалеку выстроили симпатичную часовню на курьих ножках, которая, по-моему, пришлось здесь как нельзя кстати. В точках слива вколотили в гору деревянные выдолбленные колоды, и потоки теперь не резали землю, не шуршали в траве, собирая ненужный мусор, а с плеском и без стеснения падали отвесно и с высоты. Каждый водопад получил в подарок свое прозрачное озерцо. Дно небольших искусственных водоемов округлой формы выложили речными камушками, а берега украсили неподъемными, изумительной расцветки валунами - мокрые глыбы особенно охотно и интенсивно отдавали цвет. Теперь здесь приятно было побрызгаться, окунуться, побродить босиком, приподняв юбку или завернув концы брюк. Дальше, из рукотворных озер вода выбегала уступами, спокойнее, не так отважно, как падала сверху, с приятным журчащим шорохом. Выныривающие из-под валунов ручейки сливались под мостками в скромную речку, почти не различимую в зарослях.

- Ну, что, злюка? – шевельнула я рукой, которую он по-прежнему не отпускал. – Все еще сводишь счеты?

Он покачал головой. Нежно взглянул на меня. Улыбнулся. В глазах мелькнуло что-то, похожее на благодарность.

Кажется, врагом народа я для него быть перестала. Выражение лица его изменилось – уже не было таким непрístupным, в нем появились мягкость, извинительность, чуть ли не кротость.

У ближайшего водоема Никита ненадолго выпустил меня из рук, наклонился, зачерпнул в ладонь воды и попробовал ее на вкус.

-Хороша, - сказал, причмокнув. - Нектар.

-Попей, попей, - поощрительно, но и с упреком сказала я. – Она живая. Тебе полезно. Может быть, поможешь.

-Думаешь, новая голова прирастет?

-Не мешало бы.

Приободренная, я повела Никиту на экскурсию по дорожкам, проложенным вдоль подножья горы.

Жаль, что мы не были здесь одни, как на озере Долгоречье. Но, с другой стороны, немногочисленная публика нам не мешала. Мне даже интересно было взглянуть, чем они тут занимаются.

Граждане, прибывшие на «жигулях» и «фольксвагене», наслышанные о целебных свойствах источника, похоже, съехались сюда, как в бесплатные Карловы Вары. Не развлекаться, как мы, а по важному делу, с целью поправить пошатнувшееся здоровье, подзарядиться духовной энергией, поддержать тело и душу. Видимо, повальное увлечение знахарями и колдунами докатилось и сюда. Бездельников, зрителей, праздношатающихся я насчитала двоих: я да Никита. Все были чем-то заняты. Все азартно и жадно лечились – на свой страх и риск и кому как вздумается. Пили воду, принимали водные процедуры, делали гимнастику, дышали полной грудью.

На крутой извивающейся лестнице, ведущей к верхнему водопаду, какие-то бородатые парни и хрупкие полуодетые девушки красиво и слаженно пели (что-то протяжное и мелодичное, с малым набором слов; Никита предположил, что это псалмы – скорее всего, съездив он, выездная сессия сайентологов или баптистов).

Выглядели начинающие баптисты очень живописно. Радую себя и окружающих пением, худенькие, почти все в очках, с милыми одухотворенными лицами, они сидели на ступенях, как птицы, друг над другом, сместившись поближе к перилам, чтобы не мешать проходу, если кто-то захочет подняться, напиться из верхнего озера или омыться под холодными струями.

У среднего, самого обильного и звонкоголосого водопада, слышался рассыпчатый смех. Вокруг острога-кабины с визгом носились голенькие мокрые дети, мальчик и девочка, должно быть, погодки, лет пяти-шести. Упитанный папа в плавках и рыжеволосая мама с пузиком в закрытом бордовом купальнике не уступали малышам в резвости. Чопорные процедуры семейку, по-видимому, не устраивали, не соответствовали их буйному темпераменту – им подавай гвалт, галдеж, баловство. Дети бегали вокруг острога, а родители прятались, устраивали засады, подстерегали, и горстями, из ладоней, сложенных ложечкой, обливались – что у всех четверых вызывало фонтанирующий писк и клекот, приступы неостановимого смеха.

Какое-то время мы с удовольствием понаблюдали за ними, потом развернулись, и пошли направо.

За кустами, в тенистом месте, шумел и плескался еще один водопад – отличный от других, бесшабашный, резвый, строптивый. Помимо прочего, еще и бездомный, свободный, открытый – не оборудованный кабиной. Его облюбовала группа дородных, по-мужски сложенных женщин примерно нашего возраста или чуть постарше. В отличие от разудалой семейки, эти паломники вели себя строго и чинно.

Мы не осмелились подойти, но издали понаблюдали.

Их было шесть или семь, и, вероятнее всего, они хорошо друг друга знали. Явно приезжие. Общались между собой уважительно, в основном, с помощью взглядов и жестов. Серьезные, собранные, сосредоточенные. Если я правильно поняла, поправляли не тело, а душу. Для них это было не купанье, а священнодействие, чуть ли не таинство. Ни мы, ни кто-либо другой, прогуливающийся по дорожке, их не смущали и не отвлекали. Они подчеркнуто неторопливо раздевались, вешали юбки, огромные лифчики, платья на ветви деревьев, и, остав-

шись в свободных белых полотняных рубахах до пят, по очереди вставали под воду.

Поразительной выдержки дамы. Ни звука не издавали под обжигающими струями. Спокойно поворачивались, поднимали руки, подставляли плечи, лица, спины. Закончив омовение, так же степенно и, не спеша, выходили. Крестились, кланялись неизвестно кому, в пустоту, и целовали массивный металлический крест на золотой цепочке, который висел у них на обломанном сучке. Для каждой заранее готовилась простыня. В четыре руки подруги ловко раскрывали и натягивали ее наподобие занавеса, и та, что, скупно улыбаясь, обновленная, вышла из-под водопада, снимала прилипшую к телу рубаху, закутывалась с головой в простыню и энергично растиралась. После завершения этого непонятного, завораживающего, странного действия, просветленные, они переговаривались тихо, в четверть голоса, и неторопливо, размеренно одевались.

-Как ты думаешь? – загадочно пошептал на ушко мне Никита. – Что мы с тобой наблюдаем?

-Девчата закаляются, - сказала я. – Моржихи. Откуда-нибудь из-под Ярославля или Вологды... Запарились, бедненькие, на своем диком севере.

-Темнота, - сказал он.

Перенес руку мне на плечо, я обвила его за талию. Мы развернулись, и пошли обратно.

-На самом деле, Маруся, это старинный обряд, - поучая и просвещая темную спутницу, сказал Никита. – Незаслуженно забытый. Некоторые называют его натуральным крещением.

-Не выдумывай, пожалуйста, - возразила я. - Под небом не крестятся. Без церкви нельзя... Нужен батюшка.

-Как видишь, они обошлись.

-Ну, знаешь, - фыркнула я. – Тут им не Иордан.

Он рассмеялся.

Вдруг наклонился и поцеловал меня в щечку.

Искося взглянул, и сказал:

-Прости.

Я вздрогнула. Вспыхнула, как алая заря. Это было неожиданно и вместе с тем именно то, что я от него ждала.

-Я виноват, Маш, - помолчав, сказал он, глядя мне прямо в глаза. – Раскаиваюсь... Прости... Досадный упадок духа... Разбирательства с бессознательным не миновать... Обещаю жестко и по-мужски поговорить.

-С кем?

Он ткнул себя пальцем в грудь.

-С ним... Надеюсь, рецидива не будет.

Я растрогалась. Почему-то сильно разволновалась. Глазки мои, не спрашивая моего согласия, отсырели.

Честно говоря, я не рассчитывала, что он будет просить прощения. Я вообще не привыкла к подобному обращению.

Грустно взглянула на него и сказала:

-В таком случае, ты меня тоже прости.

Никита поднес мою руку к губам и поцеловал.

-Спасибо за подарок, - сказал. – За твой Гремячий Ключ.

-Не за что, - пряча глаза, сказала я. – На здоровье. Всегда готова услужить.

Неутомимые сайентологи и баптисты у верхнего водопада по-прежнему красиво и слаженно пели. Их голоса наполняли сырой воздух мольбой, жалобой, легкой печалью.

Мы шли рука об руку, слушали, как шумит вода, как славно поют ребята, и я чувствовала, как из меня что-то уходит, какая-то недвижимая тяжесть, душа наполняется чем-то ласковым и приятным.

Надо сказать, и Никита, совершив мужской поступок, заметно похорошел. Лицо его разгладилось, посветлело. Он уже не выглядел букой. Ожил, вылез из норки.

Кажется, от мрака и сплина я его излечила. Впрочем, не я, а гора, вековые деревья, жирные тени, облако капельной пыли. Не я, а льющаяся чудо-вода, загадка, тайна, гений и очарование этого места. Они сделали за меня эту работу. Переменили его. Укорили и урезонили. Сбили с него горькую спесь. Заставили почувствовать себя виноватым.

Хор в поднебесье, мускулистые купальщицы в белом. Духовные песнопения.

Не я, а влажный сумрак, свет уходящего дня, литые мухинские тела напомнили ему, что рядом с ним не надувной манекен, не мусорная корзина для его душевных недомоганий, а гордая непокоренная женщина, требующая внимания и бережного к себе обращения.

-Чувствуешь? – склонив голову, спросил Никита.

-Что?

-В этой горе, под корнями деревьев, узилище. Скалистая пещера.

-Неужели? – подыграла я, улыбнувшись.

-Он здесь повсюду, Мань. В замшелой коре, в валунах, в серебряных брызгах. В камешках под ногами, в листве... Поток сбегает с Его ладоней. Ропот, рокот струй – Его мудрый голос.

-В голове твоей рокот и ропот, - сказала я. – И ветер свистит.

-Отчасти – так, - кивнул он. – Но – ощути, - запрокинув голову, произнес нараспев, в небо, звенящим шепотом: - Божественная влага. Прикосновение к чуду. Животворящее омовение.

Так вести себя и так говорить мог только он. Прежний Никита.

Печаль моя. Тоска несносная. Беда. Мечта и недостижимость.

Я уже догадывалась, что у него на уме. В голосе – серьезность пополам с его извечной иронией. В лукавых глазах, по углам которых веером рассыпались морщинки, - игривость, насмешливость, озорство.

Нет, подумала я, как бы там ни было - мой мужичек. Пожалуй, я бы к нему прислонилась. Доверила ему свою бедную жизнь.

Пусть он всезнайка. Ломака. Выдумщик и балагур. Шалопай. Олух Царя Небесного. Пусть рисуется, выделяется, оригинальничает, пусть его возносит в горние выси, пусть кстати или некстати пытается показать всему свету, какой он испытывает подъем, какой пожар разгорелся у него внутри.

Я нашла его. Он дорог мне. Брат мой. Если не по крови, то по душе.

Никому его не отдам.

-Перестань, - дернула я его за рукав. – Веди себя прилично.

- Душа горит, Мань, - Никита прижался щекой к моим волосам. – Нельзя без благословения... Ты первая перестанешь меня уважать.

- Пожалуйста, не позорь меня, - строго сказала я. – Ты же не мормон какой-нибудь... Надеюсь, православный? По нашему обряду крещенный?

- Когда это было.

- Но было же?

- Формально – да.

- И хватит с тебя.

Он смешно выпятил грудь.

- Не препятствуй помыслам. Чистым поползновениям... Что значит, хватит? Несмысленным – не считается. В то время я вел себя кое-как. Ревел, брыкался, батюшке житья не давал. Никакого смирения. Ни малейшего почтения к ритуалу. Кем я был тогда? Малолетний ветреник. Вероотступник. Я же противился, Мань. Душой был категорически против. Так орал, что стены дрожали. Видела бы ты, как я сучил ножками. Как царапался. Как не хотел, чтобы бородатый дядька кунал меня в воду.

- Ты и сейчас ветреник, - ухмыльнулась я. – Можно подумать, с тех пор что-нибудь изменилось.

- Где-то, положим, верно, - поморщившись, согласился он. – Тебе виднее... Но, Мань. Не спорь. Разница есть. Сейчас я не ору и не плачу. Никто меня насильно не принуждает. Напротив, сам иду... Тяга. Слышу зов.

- Простудишься, - сказала я, понимая, что отговорить мне его не удастся. - Вода градуса четыре, не больше.

- Минуточку, - возмутился он. - Ты же уверяла, что она живая?

Я шла с ним в обнимку, слушала его забавную болтовню, и думала: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не унывало; пусть уж лучше шалит и паясничает, чем дуетя неизвестно на что.

У водопада, который Никита для себя присмотрел, к нашему приходу обстановка переменилась. Ни визга, ни гвалта. Жизнь уже не так бурлила и клекотала. Озябших присмиривших детишек мама с папой увели вниз, к машине, растирая полотен-

цами до красна. Вслед за ними кабину-острог заняли наши старые знакомые, те самые священнослужители, которых мы обогнули по дороге. Пригубив водички из озерца, они резво обнажились до пояса, осенили себя крестным знаменем, и, сверкая неправдоподобно бледными спинами, скрылись внутри. Мы слышали громкие охи и ахи, и время от времени гулкое: «Благодать» - с характерным ударением не только на «а», но и на «о». Вышли они разгоряченные, собой невероятно довольные, ссылая капли с худых плеч. Маленький их шофер, вынырнув из кустов, учтиво подал каждому полотенце, и они, не мешкая, на ходу одеваясь, отправились в обратный путь.

-Цени, - с упреком сказал Никита. – Не брезгуют. Уж на что православные, не нам чета.

-Иди, иди, - поторопила я его. – Путь свободен. Только, пожалуйста, возвращайся целым и невредимым. Я не успела кое-что важное уточнить.

-Как? – удивился он. - А ты?

-Боже сохрани. Мне и здесь хорошо.

-Маш, - притворно взмолился он. – Не покидай. Не бросай на произвол судьбы... Я же растяпа... Шагу без тебя ступить не могу.

-Отстань, - отмахнулась я. - Не хватало еще, чтобы я при каждом твоём безобразии присутствовала.

-Ну, как ты не понимаешь? – упорствовал он. - Я же без зрителей схалтуру.

-Ничего. Страна это несчастье переживет.

-Ну, Мань, - мямлил он. – Ну, чего ты?.. Хотя бы вещички посторожишь. Не ровен час, упрут, в чем я тогда в Москву поеду?

Я поняла, если не соглашусь, он до утра тут будет стоять и канючить.

-Делать тебе нечего, - проворчала я. – Но только быстро, ладно? Одна нога здесь, другая там.

-Секундное дело, - схватился он. – Спасибо... Вот теперь я знаю наверняка, что в беде ты меня не оставишь.

В кабине было промозгло и влажно. Настоящая стынь. Шум падающей воды вынуждал не разговаривать, а кричать. От брызг - ни спрятаться, ни скрыться.

Бревна темные, скользкие, пропитаны сыростью до сердцевины.

-Дрожишь, шалунишка? – подтрунивала я над ним. – Страшно тебе?

-Не то слово.

Раздеваясь, Никита передавал одежду мне на руки. Ежился. Голенький. Робел, переминался.

Я мерзла. Едкий капельный туман пробирал до костей.

Красуясь, Никита запрокинул голову. Воздел руки к небу.

Так и подмывало столкнуть его в воду.

-Нырять, не тяни. Иначе я тут в сосульку превращусь.

-Не мешайте, гражданочка, - отвечал он, не оборачиваясь. - У меня процесс.

Не сыграть на публику он не мог. Театрально, как на сцене, опустил на одно колено. Медленно склонил голову. Что-то пошептал. Перекрестился.

-Прими!

И ринулся с головой в поток.

-А-а-а, - зарычал, - уф-аээ... хороша!.. Мань!.. Ты кругом не права!.. Пожалеешь!

Я смотрела на него, гибкого, стройного, повизгивающего от радости, и ругала себя: зря я, напрасно упрячилась, все равно я тут вымокну до нитки. И, правда, почему бы не смыть с себя дорожные муки, пыль, пот? Не подурачиться с ним за компанию?

-Никита!

Он обернулся.

Я лихорадочно раздевалась. Сдирала с себя одежду, как шкуру, и бросала, куда попало.

Он подал мне руку. Я дрожала от холода, зябла, обнимала себя за плечи.

-Брр... Кошмар... Не прикасайся!

От него веяло стужей.

-Ну, же. Смелее.

Я вцепилась в него, и, шаг в шаг, мы вступили под водопад.

-Ааууу! – закричала я дурным голосом.

Меня обожгло. Это был шок. Я почти перестала дышать.

Вода толкала нас в спины, сбивала с ног. С тяжелым гудом обрушивалась на плечи и головы. Расплескивалась. Оглушала. Обтекала и обнимала. От нее исходила такая подавляющая ледяная мощь, такая сверхъестественная сила, что я потерялась, свернулась в трубочку и забыла, кто я и зачем на свете живу.

-Держись, подруга дней моих суровых! – ликовал Никита. – На свете два раза не умирать!

От страха и ужаса я не могла вымолвить ни слова. Прижалась к нему, спряталась у него на груди. Он гладил меня по мокрым волосам.

-Муза... Боец.

Коснулся губами моих полузакрытых век. И увлек меня, вытащил.

-А ты боялась.

От тел наших шел пар.

Вытирались мы, чем придется – рукавами рубашки, скомканными брюками, майками. Натягивали на себя влажную одежду и хохотали, как полоумные, радуясь, как дикари, дивясь собственному безрассудству, не веря, что мы это сделали.

-Надо же, выжили.

-Боже, - щебетала я. – Чисты и невинны.

-Умыты. Отмыты.

-Ни твоя честь не затронута, ни моя.

-Бери выше, Мань... Породнились. Отныне греха на нас нет.

-Что-то не верится.

-По крайней мере, не развалины мы с тобой.

-Да уж, - улыбалась я. – Отъявленные храбрецы.

-В райских одеждах, сударыня, - веселился Никита. – Заметь. Крещение и венчание. Разом. В один прием.

-Ох, не знаю, не знаю... Прежде, чем идти с тобой под венец, девушке надо крепко подумать.

-Поздно, моя дорогая.

-Ручаев, - сказала я, поддернув на нем штаны. – По-моему, в голом виде свататься неприлично. Можешь ты хотя бы подождать, пока я оденусь и высушу волосы?

-Могу. Но не дольше.

Никита был трогателен, нежен и мил, помогая мне одеваться, застегивать молнии, пуговички. При этом не забывал поцеловать меня в ускользящий локоток, в прячущуюся под майкой спину, в шею, в румяную щечку.

-Помнишь Петра и Павла с Хитрого рынка? – спросил он.

-Еще бы. Как я могу их забыть.

-Часовенку видела?

-Да. И что?

-Эстетика повторов, - сказал он. – Давай, а?.. Есть желание свечку поставить.

-Некому, Ник.

-Да ты что?.. А заново рожденным? А Ему? Тому, кто пустил? Сблизил и приютил?

-Водопаду? Воде?

Он вскинул вверх руки и воздел голову к небу.

-И спасены были водой вечной, бессмертной... Пусть остается, как есть. Живой. Ныне и присно и во веки веков.

После безумства, на которое соблазнитель меня подвиг, надо сознаться, я чувствовала себя превосходно. Испытывала необыкновенную свежесть и легкость. И даже бесстрашие перед грядущими переменами.

Часовня стояла в стороне, на изгибе реки. Мы шли в обнимку по скрипучим мосткам, любуясь раскрашенным небом.

От верхнего водопада до нас доносилось стройное пение. Падали сумерки. По макушкам деревьев скользили длинные косые лучи. Кусты и дорожки, укрытые тенью, впитывали прохладу, насыщались густой сыростью.

-А зачем ты крестился, когда в воду лез? – спросила я. – Можешь мне объяснить?

-Как зачем?.. Нельзя же без этого.

-Нет, правда. Ты же не верующий?.. Порой разговариваешь, как богохульник. Бродишь вокруг церквей. Заходишь внутрь,

но почему-то не остаешься. Я за тобой наблюдала. Иногда крестишься, иногда нет. Против церковных обрядов, как я поняла, ничего не имеешь. Во всяком случае, про венчание все уши мне прожужжал... Какие-то запутанные отношения, ты не находишь?.. В церкви ты не такой самоуверенный, как со мной. Смущенный какой-то, робкий. Что с тобой происходит?

-Смущенный, говоришь?

Он помолчал, обдумывая, как бы мне (и себе) поточнее ответить, поскольку, как я поняла, до сих пор себе подобных вопросов не задавал.

-Видишь ли... Как тебе объяснить... Человек я, безусловно, религиозный. Если под религией понимать связь, союз, разговор со Всевышним. Или Со-Весть, совместную благу ю весть... *Душа по природе своей христианка*... Су щая правда... И в то же время, я человек не церковный. К институту церкви отношусь с недоверием... Нет, Церковь, как символ, как Храм Господа Бога, я признаю. Даже чту. Но церковь, управляемую чиновниками, увы... К ней у меня нет почтения. Особенно, к нашей, нынешней... Церковь, Марусечка, как я понимаю, должна быть на стороне жертв. А она у нас на стороне насильников и гонителей.

-Ну – нет, - пылко возразила я. - Не везде. Это только верхушка.

-Тем не менее... Рыба гниет с головы.

-Подожди... Значит, какому-нибудь скромному деревенскому батюшке, который на стороне жертв, ты бы свою душу доверил?

Он вздохнул. Помолчал.

И сказал вовсе не так уверенно, как обычно:

-Не знаю, Маш... Я согласен, люди истинно верующие, безусловно, на порядок выше всех остальных... Мне кажется, они крупнее... им ведомо то, чего нельзя взвесить, вычислить, определить... И все-таки... человек слишком мал, слишком греховен, чтобы брать на себя такую ответственность – разговаривать от лица Бога... Я думаю, у нас вообще нет такого права... Попахивает себялюбием, завышенной самооценкой, гордыней. А гордыня, как известно, смертный грех... Возможно, я оши-

баюсь, чего-то не понимаю. Но, по-моему, полезнее послушать Его, чем интерпретаторов и всяких пресс-секретарей... Он же разговаривает, Маш. Постоянно, каждую секунду. Его голос везде и всюду. В озере, в воздухе, в этом закате, в поющих ре-бятках, в дереве, в листьях, в траве.

-Значит, ты врешь, когда крестишься?

-Ну, почему? По ощущению.

-Как это?

-Когда ТАМ меня слышат, тогда и крещусь.

Мне показалось, с такими дремучими взглядами он заслуживает не только осуждения, но и порки.

-Чистый язычник, - сказала я.

Он коротко рассмеялся.

-Скорее, мокрый.

Когда мы подходили к часовне, навстречу нам попалась какая-то странная женщина, по-видимому, тихая сумасшедшая. Не причесанная, волосы с проседью, в распахнутом демисезонном пальто. Шла она криво, боком, и сама себе улыбалась – улыбка казалась каменной, изваянной, словно вросшей в ее лицо.

Поравнявшись с нами, она порывисто поклонилась в пояс:

-Милые мои и хорошие. Здравствуйте.

-Здравствуйте, - опешили мы.

-Твоя? - ухмыльнулся Никита, когда мы разошлись, и она не могла нас услышать.

-А, может, твоя?

-Стало быть, наша... Шагу ступить не успели, а на нас уже звездная пыль.

Мы поднялись на высокое резное крыльцо. Никита нарочно, чтобы я видела, размашисто перекрестился.

Двери в часовню были открыты.

Помещение маленькое – один округлый уютный зальчик. По углам, в напольных подсвечниках, горели свечи. На светлой стене из строганого бруса – той, что напротив двери, - висели простенькие иконы недавней выделки, крупные, средние, мелкие.

За массивной деревянной стойкой грустила в одиночестве тонюсенькая, как ивовый прутик, юная послушница в монашеском облачении. Однако, в модных очках. Мне она показалась ряженой десятиклассницей, подрабатывающей на каникулах. Тихая, прозрачная, бестелесная, с мальчишеской грудью. Создание нематериальное. Какая-то заблудшая душа на невидимых ножках.

Никита учтиво с ней поздоровался, и спросил:

-Грешникам можно?

-Милости просим.

-У вас магазин?

-Для желающих – и магазин, - ответила она слабым бедненьким голосом. – Чем могу служить?

-Да вот, - картинно замялся Никита. – Маруся вздумала обвенчаться... Грех нетерпения... Вынь ей да полож до захода солнца.

-Сочувствую, - улыбнулась она.

-Выручайте, голубушка, - застенчиво попросил Никита. - Иначе не сносить мне головы.

-Что вы, я разве могу?

Я видела, девочке до чертиков надоело стоять здесь одной. Она безумно скучала. И искренне обрадовалась нашему приходу.

-Нет? – пристал к ней Никита. - Вы уверены?.. Никкак невозможно?

-Увы, не по чину.

-Тогда, может быть, позвольте свечку поставить?

-Пожалуйста, сколько хотите, - она заодно сверкнула глазками, и, собравшись с силами, даже отважилась в ответ пошутить. – Вам во здравие или за упокой?

-Душенька, какой упокой, - с удовольствием заигрывал с ней Никита. – Я же вам говорю, океан страстей. Бушующее море. *Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю.*

-Зачем же вам в море свечи?

-Ну, как? – замялся Никита. - Вроде полагается.

-Простите, а вы ничего не напутали?

-Могли с перепугу, - сказал Никита.

-Хорошо, я, кажется, вас поняла, - девочка всё откровеннее ему улыбалась. – От души поздравляю. Рада за вас. Вам за три, за пять или за два рубля?

Я вмешалась, хотя мне этого совсем не хотелось.

-Забыл? – оттопырила я ему пальцем задний карман брюк. - По-моему, мы на мели. Ты же оставил кошелек в машине.

-Уййй, - Никита стукнул себя по лбу и тоненько застонал. – *Темные силы нас злобно гнетут...* Катастрофа... Возвращаться – дурная примета.

Под стеклами очков ресницы у совестливой девочки затрепетали.

-Не расстраивайтесь. Не беда, - сказала она, сочувствуя нашему горю. – Как-нибудь в другой раз привезете. Я поставлю за вас, если хотите.

-Правда? - восхитился Никита. – Спасительница... Я потрясен... Только уговор, самые скромные, хорошо? А то казне убыток... Мало ли тут бомжей ходит, на всех свечек не напаешься.

-Ступайте с Богом, - благословила нас добрая девочка. – Лишь бы вы были счастливы.

Облокотившись о стойку, Никита вкрадчивым голосом спросил:

-Дозвольте на прощание ручку, дитя мое?

-Что вы, - испугалась она. – Зачем?

-Ну, пожалуйста... Я вас не съем.

Помедлив, пересилив испуг, она, как под гипнозом, протянула ему крошечную натруженную кисть.

Никита рассмотрел ее. Изучил. И нежно поцеловал.

-Бог есть Любовь – так, кажется?

Ладошку свою девочка в страхе забрала назад и припрятала за спину.

-Так, - пробормотала.– В общем, правильно.

-Что значит, в общем? – вскинул брови Никита. – Я урезал классику? Грубо ее искажил?

-Нет, не искажили.

-Тогда... позвольте узнать, что вы имели в виду?

Она поправила очки. Вскользь посмотрела на меня. Снова перевела взгляд на Никиту, внутренне собралась, подбоченилась, и смело, с некоторым вызовом, прочла без запинки:

*-Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь... В том любовь, что не **мы** возлюбили Бога, но Он возлюбил **нас** и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Возлюбленные! Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга... И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем... В любви нет страха...боящийся несовершенен в любви... Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец... И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.*

Высказалась и оробела. Разволновалась.

Слова чужие, давние, но она их так искренне чувствовала, так глубоко переживала, словно они ее собственные, выстраданные, и родились прямо сейчас.

Тонкие длинные пальцы ее забегали по прилавку, как будто она нажимала на клавиши, играла на каком-то музыкальном инструменте.

-Спасибо, - растроганно сказал Никита. – Простите, но за нами должок.

Она сделала вид, что не расслышала.

-Я за три рубля поставлю, хорошо? – сказала, не поднимая глаз. – А то за два рубля у меня не очень качественные.

Никита грудью навалился на прилавок.

-Что вам в тужельке прислать из Москвы?.. Не стесняйтесь. Скажите. Мы исполним любое ваше желание... Вы понимаете? Любое.

Она подняла на него лучистые глаза. Заученным жестом снова подбила на носу очки, и с легким осуждением сказала:

-Лучше нищим подайте. Или хлеба голодным купите.

-Хотелось бы вам.

-Благодарю, - с достоинством сказала она. - Все, что мне нужно, у меня есть.

-Маш? – оглянулся Никита. – А говорят, молодежь выбирает «пепси»?

-Не морочь девочке голову, - сказала я.

-Вы – ангел? – спросил ее Никита. – Значит, *не строй семь церквей, а пристрой семь детей?*

Она наклонилась, исчезла под прилавком, пошуршала там, что-то переложила, и снова выпорхнула.

-Будьте добры, повторите, пожалуйста, я не запомнила?

-Были когда-то люди на Руси, - сказал Никита. - Я думал, перевелись... Это не я, голубушка, они говорили: *не строй семь церквей, а пристрой семь детей.*

Аленькие губки ее растворились. Она призадумалась. Что-то прикинула, взвесила, с кем-то поспорила.

-Воистину так, - с сердцем сказала, - если мы намерены быть людьми.

И летящей походкой отправилась ставить свечи.

Я подхватила Никиту под руку.

-Пора по домам, искуситель.

Мы попрощались с миленькой девочкой, спустились с крыльца, и по сумеречной дорожке медленно пошли в обнимку к машине.

-Обрати внимание, небо какое, – сказала я.

-Нарядное.

-Не просто нарядное. Видишь? Как будто склеено из двух половинок.

-Да, - помолчав, сказал Никита. - Похоже на нас с тобой.

-Ага.

-Ты – там, над просторами и холмами, где ярость и буйство, пиршество света. Я – в тусклых оврагах, в бледном лесу.

Я нащупала руку его и нежно пожала.

-Нет, родной, - сказала. - Скорее, наоборот.

Справа от нас, в брызгах рдяного заката, небо сверкало и переливалось. Слева – меркло.

Сумрак сползал в ночь.

Геннадий Абрамов

ПУСТЬ НЕБО РАССУДИТ

Оформление, дизайн –
Добужинская Елена

Подписано в печать 01.12.2009.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Объем 8 п.л. Тираж 150 экз. Заказ 18.

Отпечатано в типографии ОАО ЦНИИС.
129329, Москва, Кольская 1

Книги:

- «Анонимная стая», Franc-tireur, USA, 2009
- «Дай лапу», Время, 2007
- «Безбожники», Московский рабочий, 2001
- «Птенец», Молодая гвардия, 2000
- «День до вечера», Советский писатель, 1983
- «Нечаянные хлопоты», Молодая гвардия, 1983
- «Теплом одеть», Молодая гвардия, 1979